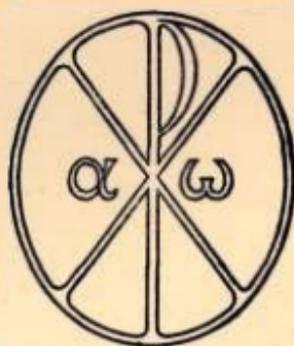


LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ



ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 72-73

I-II — 1964

СОДЕРЖАНИЕ

Знамение пререкаемо — прот. Георгий Флоровский	1
Экуменическое собрание в Париже 11 марта 1964 г. по поводу гонений на Церковь в С.С.С.Р., на котором со словом выступали: Жан-Мари Доменак, Франсуа Мориак, Оливье Клеман, о. Жан Даниелу, Альберт Финэ, Пьер Эмманюэль, Никита Струве и др.	8
Письмо Джорджио Ла Пира, мэра Флоренции, к Н. С. Хрущеву	31
Выступления И. Артемова, обозревателя агентства Тасс, по поводу собрания 11 марта в Париже	32
О единении во Христе — Н. С. Арсеньев	36
О соборности — свящ. Георгий Сериков	42
«От них же первый есмь аз» — прот. А. Семенов Тянь-Шанский	49
Четырехсотлетие Шекспира — В. В. Вейдле	52
К 50-летию со дня смерти Шарля Пеги — Л. А. Зандер	54
Из литературного наследия Осипа Манделштама (к 25-летию со дня его смерти)	61
Пушкин и Скрябин — Осип Манделштам	63
Голос из России. Памяти моей бабушки	68
К 40-летию Русского Студенческого Христианского Движения — прот. А. Шмеман	71
Задачи Движения — И. В. Морозов	73
Из моей жизни — † прот. Василий Зеньковский	79

БИБЛИОГРАФИЯ

Louis Evely. «Notre Père» — прот. Семенов Тянь-Шанский	91
--	----

ХРОНИКА

О работе православных центров в Америке. И. Морозов	93
Собрания о соборности Церкви	95
Съезд православной молодежи во Франции — К. Ельчанинов	96

Подписная плата на год: 10 Ф. С целью поддержки: 15 Ф.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 10 F. Prix du N° 2,50 F.
Adresse de la Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

Христос Воскресе !

Прот. Георгий ФЛОРОВСКИЙ

ЗНАМЕНИЕ ПРЕРЕКАЕМО

Кричат мне от Сеира: страж, сколько ночи? страж, сколько ночи? Страж отвечает: приближается утро, но еще ночь.
Ис. XXI, 11.

Встреча двух патриархов — Нового и Древнего Римов, давно разделенных друг от друга — была несомненно событием знаменательным. И самое место встречи, выбранное нарочито, — в Святой Земле, в стране великих обетований и свершений, в стране священных воспоминаний, в стране самого Христа — придавало ей характер особо торжественный и как бы символический. Иные так и восприняли ее, как чудо.

Важность события очевидна. Не так просто, однако, разгадать его полный смысл и определить его значение. Во всяком случае, встреча патриархов была событием неожиданным, почти что внезапным. Немногие были к ней внутренне подготовлены, психологически и духовно, даже среди тех, кто был готов ее искренно приветствовать. Поэтому сразу же пошли о ней толки, возникли недоумения. Одни восприняли ее с радостью, как знамение благоприятное. Других она глубоко смутила. Среди православных многих эта встреча даже встревожила, вызвала подозрения, заставила насторожиться, повергла в страсть и страх. Этого можно и нужно было ожидать, и умалчивать об этом теперь было бы неблагоразумно. Тема о Риме — болезненная тема для православных. С ней связано слишком много тяжелых воспоминаний, разочарований, горечи. Забыть это прошлое не легко, и вряд ли забывать его следует. Трезвая историческая память есть необходимый залог ответственного действия. Только память не должна связывать. Нельзя действовать только по историческим прецедентам. История не только повторяется. История творится. Невозможное вчера может стать возможным завтра. Условия меняют-

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ
4001 386

ся, сменяются и люди. Горизонт может раздвинуться. Новые возможности всегда могут открыться.

Строго говоря, с православной точки зрения тема о Риме есть главный и основной икуменический вопрос. Здесь именно начало 'Христианского разделения', острее и корень 'схизмы'. В известном смысле мы в праве говорить о 'не-разделенной' Церкви первого Христианского тысячелетия, хотя разделения были и тогда. Образ 'Единой Церкви', однако, стоял твердо в Христианском сознании того времени. 'Разделение Церквей' — если только следует употреблять это неосторожное и двусмысленное выражение — начинается именно с разрыва между Византией и Римом. Единство Христианского мира было разбито именно тогда. Это была центральная катастрофа или трагедия Христианской истории, в ее вселенской перспективе. История этого разрыва описывалась уже много раз, и с разнообразных точек зрения. Полного беспристрастия в изображении этой печальной истории достигнуть трудно. Очень многое в ней было плодом недоразумения, делом человеческой слабости, упрямства и греха. Разделения, вероятно, можно было избежать. В его действительность многие долгое время отказывались верить. История слагается из человеческих решений, зависит от человеческой свободы, иногда зрячей и прозорливой, но часто слепой. События, конечно, могли протекать и иначе. Однако, теперь мы стоим перед действительностью совершившегося разделения, и ссылка на неосуществившиеся возможности не дает решения нашего современного вопроса. Возможно ли восстановить потерянное единство, и нужно ли к этому стремиться? Или, напротив, с ним нужно примириться, как с окончательным и необратимым, и всякую попытку 'воссоединения' считать безнадежной и скорее опасной? Исторические примеры подсказывают, как будто, самый пессимистический ответ. В самом деле, «разделение» было закреплено всего больше неловкими и торопливыми попытками 'соединения', и память о них лежит тяжелым камнем в уме и сердце православных. Значит ли это, в последнем счете, что нужно оставить всякую надежду и замкнуться в разъединении. Нужно ли всякий проблеск надежды отклонять с недоверием и подозрением?

Несколько лет тому назад, в 1950-м году, профессор И. Н. Кармирис говорил на празднике Трех Святителей, в Афинском Университете, на тему: Схизма Римской Церкви. Его речь

была посвящена истории разделения. В заключение он поставил вопрос, возможно ли воссоединение? Несмотря на все печальные уроки истории, подчеркивал он, мирное разрешение разногласий между Православной Церковью и Церковью Римской все же возможно — при известных условиях, 'путем икономии'. Разделение нельзя считать окончательным и непреодолимым. Напротив, его должно преодолевать и можно преодолеть. Только для этого потребуются, прежде всего, долгая и серьезная подготовка умов и сердец в обеих Церквях, среди клира и мирян. Православная Церковь, по убеждению проф. Кармириса, не должна уклоняться от совместной работы с Римом в этом направлении, с надеждой согласовать существующие разногласия 'путем икономии' и восстановить гармонию, любовь и единство между двумя Церквями.

Это суждение такого осторожного и сдержанного богослова и историка, как профессор Кармирис, требует к себе серьезного внимания. Не совсем ясно, как понимает он 'путь икономии'. Во всяком случае, он не думает, что 'воссоединение' может осуществиться без существенного 'согласования', без решения спорных вопросов. Он только верит, что эти вопросы могут быть, при доброй воле сторон, решены. В сущности, он приглашает обе Церкви к ответственному б о г о с л о в с к о м у д и а л о г у — на основании Слова Божия и древнего Предания Церкви, и в духе взаимного внимания и любви. Не нужно только ожидать, что такой диалог будет легким и сможет привести к скорому решению всех разногласий и сомнений. Напротив, нужно предвидеть, что он будет весьма длительным и трудным, если только сможет быть откровенным и глубоким. Но это еще не есть достаточное основание для того, чтобы от него воздерживаться или уклоняться. Главной помехой икуменического прогресса всегда является как раз и к у м е н и ч е с к о е н е т е р п е н и е, икуменическая торопливость. И всегда ведет она к упрощению проблем. История отношений между Православием и Римом в прошлом свидетельствует об опасности такой торопливости, и о ее бесплодности. Впрочем, в современных условиях диалог может оказаться легче, чем даже немного лет тому назад. Римская Церковь находится сейчас в процессе пересмотра своих богословских традиций и во многих отношениях возвращается к преданиям Древней Церкви. Это создает благоприятные условия для встречи.

Диалог есть прежде всего встреча. Во многих кругах — и со стороны Рима, и среди Православных — есть сейчас воля к действительной встрече. Заочная встреча уже происходит — в богословской литературе. Нужно прежде всего узнать друг друга. Задача взаимного ознакомления должна быть поставлена во всей широте. Всего плодотворнее будет совместное изучение и обсуждение основных тем Христианского вероучения, на основании Слова Божия и в контексте Предания Церкви. Это и будет началом той 'подготовки умов и сердец', о которой говорил профессор Кармирис. Проблема Разделения должна быть поставлена со всей откровенностью. И при этом неизбежно откроется, что самый смысл и характер 'разделения' по разному понимается, как в Римской, так и в Православной Церкви. Поэтому и вопрос о 'воссоединении' ставится по разному. Это не значит, однако, что первой задачей диалога должна быть непременно тема 'соединения', как таковая. Эта тема сама собою поднимется в процессе диалога. Начинать с нее было бы преждевременно. Прежде всего нужно убедиться, что 'воссоединение' есть действительная, а не искусственная задача, что его требует самое бытие, самая природа Церкви. Фраза, которой сейчас так часто злоупотребляют — отделенные братья — только тогда наполнится живым смыслом, когда будет остро пережита боль разделения, скорбь о разделении, когда будет опознана глубина и действительность раскола.

Методом богословского диалога может быть только икуменизм во времени. Подлинная встреча разделенных Востока и Запада возможна только в элементе Церковного Предания. Бесплодность метода 'сравнительного богословия' давно уже разоблачилась в опыте широкого икуменического движения, и метод этот уже оставлен. Нужно вернуться к истокам. 'Икуменизм во времени' не означает, однако, отступления в Древность, не означает простого возврата в прошлое. Предание в Церкви есть нечто большее, и нечто иное, чем только память, чем только воспоминание. Встреча в Предании не есть реставрация — 'Реставрация' всегда есть насилие над жизнью. Во всяком случае, мы не можем просто вернуться к 1054-му году и заново перерешить тогдашние вопросы. Восток и Запад с тех пор изменились, и вопросы стоят теперь другие. Христианское Предание было расколото в истории. Сейчас предстоит задача восстановить его единство и полноту. В этом и должна состоять

задача богословского диалога. Встреча в Предании есть взаимное и совместное сживание в полноте Предания. И другого пути к действительному со-единению нет.

Такая широкая программа многим покажется непрактичной, нереальной, и слишком 'академической'. Для ее выполнения потребуется, очевидно, много времени и огромная мобилизация сил. Нельзя ли решить вопрос проще. В широком икуменическом движении давно уже говорят о непосредственном 'Интеркоммунионе', как о методе решения: не следует ли начать как раз с 'общения в таинствах', то-есть в Евхаристии, и отложить богословский диалог? Нужно ли, в самом деле, стремиться к действительному 'единству в вере', за пределами формального согласия на каком-нибудь условном минимуме, например, на Никейском Символе, при полной свободе толкования и этого минимума? Станным образом, этот метод в наше время иногда предлагается и для решения вопроса о воссоединении Православия и Рима. Правда, 'минимум' при этом принимается гораздо более прочный и широкий, но тоже с неопределенной свободой толкования — Апостольское преемство, сакраментальная иерархия, таинства, общий Символ веры. Не следует ли начать с возобновления Евхаристического общения между разделенными Церквями, Православной и Римской, без дальнейшего 'согласования' в учении веры. Строго говоря, метод этот совсем не новый — это метод Унии. Бесплодность и двусмысленность этого метода давно уже раскрылись в историческом опыте, и странно было бы теперь его повторять, хотя бы и в новой и уточненной форме. Уния не дает действительного единства. Достигается только видимость формального единства, но 'соединенные' части друг с другом не срастаются. В область вероучения вносится прагматизм и релятивизм, известного рода безразличие, под предлогом богословского плюрализма. Единство в вере, конечно, не требует единообразия в богословии. Известная свобода в богословском истолковании сохраняется, но под условием живой и органической сопряженности этих истолкований. При этом, конечно, нужно строго различать уровни: догма, доктрина, богословие. Различение это не так легко провести на деле, ибо все уровни связаны друг с другом в единстве Церковного сознания. Во всяком случае, в области догматической нет и не может быть места плюрализму. Строго говоря, такая формальная схема 'соединения' в современных условиях потому неприемлема, что она, духовно и

психологически, безнадежно устарела, помимо того, что она духовно неправильна. Для нашего времени, слава Богу, характерно богословское пробуждение, новая восприимчивость к вопросам веры, искание живой полноты. Конечно, это пробуждение еще не охватило весь состав Христианского мира. Нужно надеяться, что, с помощью Божией, оно разовьется. И в этом отношении богословский диалог может сыграть роль фермента.

Нет сомнения, самый факт встречи двух патриархов — и то уже одно, что она оказалась возможной — говорит о желании единства. Однако, о каком же 'единстве' идет речь? Как будто, с православной стороны первоначально было высказано пожелание привлечь к Палестинской встрече представителей и других христианских исповеданий, сделать ее, так сказать, вполне 'икуменической' по составу. Это не осуществилось. Повидимому, Ватикан имел в виду только встречу двух патриархов. Это ограничение имеет глубокий эkkлезиологический смысл. Тема взаимоотношения Православия и Рима выделяется из общего 'икуменического' контекста, как тема особая и своеобразная. Эkkлезиологическое ударение становится вполне очевидным. С другой стороны, о чем должна была идти речь: об 'единении' или об 'единстве'? Различение между этими терминами может показаться искусственным и произвольным. Однако, на нем в последнее время открыто настаивали в некоторых Православных кругах, имея в виду подчеркнуть, что 'Христианское единство' возможно и без 'единения'. Это — не только вопрос терминологии. Различение терминов означает разделение задач. Под именем 'Христианского единства' подразумевается при этом 'сотрудничество', к о о п е р а ц и я, в практическом плане. Оно не требует непременно 'согласия' или 'единства' в вере, разве в самых общих чертах. Тогда участие других исповеданий вполне логично и желательно. В условиях нашего времени, темного и смутного, это желание создать своего рода единый 'Христианский фронт' для прямого действия можно понять. И этому желанию можно даже сочувствовать. Однако, сразу же нужно сделать, по крайней мере, две существенных оговорки. В о п е р в ы х: неудивительно, что в современной обстановке ударение часто переносится на противопоставление 'веры' и 'неверия', — это есть жгучая современная тема; но при этом нередко происходит молчаливая, но от этого не менее опасная, подстановка 'религии вообще' на место Христианства, и с о д е р ж а н и е в е р ы отодвигает-

ся на второй план. В такой перспективе разногласия разделенных Христиан теряют практическую важность, и вопрос о единстве сдвигается и снижается в политический или психологический план. В действительности же, сила Христианского единства как раз в единении веры, в Единстве Церкви. В о в т о р ы х: как ни желательно Христианское 'сотрудничество' в известном смысле и до известного предела, к действительному единству оно не ведет и даже заслоняет собою самую тему 'единения' — в Единой Церкви. Строго говоря, Христианская 'кооперация' является, в последнем счете, началом неизбежно двусмысленным. 'Кооперация' служить делу Христианского 'единства' может только тогда, когда она внутренне подчинена исканию 'единения', то-есть, Е д и н с т в а в Ц е р к в и. Иначе она легко может потерять свой отличительный Христианский характер и стать помехой 'единения'. И эта опасность вполне реальна.

Палестинская встреча патриархов — Нового и Древнего Римов, давно и все еще разделенных — есть, во всяком случае, своевременное н а п о м и н а н и е, и напоминание двоякое — сразу и о факте разделения, и о задаче единения. Напоминание и п р и з ы в... Это — только начало пути. И, по удачному выражению св. Василия Великого, 'начало пути не есть еще путь'... Вопрос теперь в том, как отзовется на это напоминание и призыв голос Церкви. Тема о Риме еще раз поставлена на очередь, пред Православным сознанием. Трудность темы очевидна — на эту тему нет согласия среди Православных. Для одних Рим есть Церковь, хотя и 'о т д е л е н н а я Ц е р к о в ь'. Для других Рим просто вне Церкви. Строго говоря, такое же разногласие имеется и среди Римских богословов, с разнообразными нюансами. Этот вопрос требует тщательной богословской разработки. Вопрос о Риме есть вопрос эkkлезиологический.

Православие в наше время настойчиво призывается к богословской работе. И только в ней раскроется вселенский характер Православия.

'Страж отвечает: приближается утро, но еще ночь'.

Кембридж, Масс.

Экуменическое собрание в Париже по поводу гонений на Церковь в С.С.С.Р. (11 марта 1964 г.)

Читатели Вестника Р.С.Х.Д., чуть ли не первые в мире узнали о новых гонениях, которые обрушились на русскую церковь с 1959 года. Увы, до широких кругов западной общественности сведения о гонениях дошли не скоро. Но вот в начале 1964 года, благодаря разным обстоятельствам, сознание западных христиан пробудилось. В феврале месяце в Париже образовался, под председательством крупнейшего французского писателя Ф. Мориака, экуменический комитет, поставивший себе целью пролить полный свет на положение христиан в Советской России. Комитет этот состоит из представителей трех главных вероисповеданий, причем в него входит целый ряд католиков и протестантов, известных своими левыми взглядами и поэтому чистых от всяких подозрений в систематическом антикоммунизме.

11-го марта, в большом зале Мютюалите, комитет устроил торжественное собрание, чтобы выразить свою солидарность со страдающими христианами в Советской России. Огромный зал (2.500 мест) был полон. Присутствующие с большим вниманием выслушали выступления и доклады, часто прерывая их аплодисментами. Ни разу собрание не соскользнуло на чисто политический протест. Можно смело сказать что собрание это было прежде всего духовным событием. После выступлений Доменака, Мориака, Клемана, Даниелу, Финэ, Эманюэля и молодой студентки, пожелавшей сохранить анонимат (печатаются ниже), Н. А. Струве прочел несколько текстов 'оттуда': смелую речь патриарха Алексея, произнесенную 16 февраля 1960 г., слово при наречении епископа Чувашского Николая выдержки из воззваний русских верующих и молитвенное славословие за врагов и гонителей.

В конце собрания, весь зал стоя прослушал пение ВЕРУЮ, записанное на ленте в одном из больших московских храмов.

Ж.-М. ДОМЕНАК

Милостивые Государыни, милостивые Государи,

Нынешнее собрание не будет походить на обычные собрания, — это ни митинг, ни то, что принято называть собранием протеста — как мы это и указали в листовке, распространенной среди вас и на которую вы так широко откликнулись, — это собрание экуменической солидарности. Солидарности с теми, кто страдает вдали от нас, которых нет здесь сегодня вечером, но которые, благодаря вам, благодаря нам всем, духовно присутствуют среди нас.

О них мы прежде всего подумали, устраивая это собрание, они присутствуют здесь в нашей мысли и в нашей молитве. Наше главное желание — это чтобы все, произнесенное здесь сегодня, было сказано прежде всего для них, чтобы наше единение, наше спокойствие, наша сосредоточенность сегодня вечером стали бы живым доказательством того братства, о котором мы хотим свидетельствовать.

Это собрание экуменической солидарности, — и, действительно, среди нас тут есть и католики, и протестанты и православные, — мы все — христиане, все одинаково ученики Христовы. Несправедливость по отношению к Христианам в России мы ощущаем, как если бы ее совершали по отношению к каждому из нас; мы страдаем от этой раны, как если бы она была нанесена нашему собственному телу, и даже, на самом деле, если мы иногда об этом и забывали — это касается нас самих.

Среди вас, собравшихся здесь в этот вечер, и среди нас самих, находящихся на этой эстраде, существуют вероисповедные различия, как это явствует из списка членов Комитета, пригласивших вас и имена которых я читаю по порядку:

Франсуа Мориак,

Отец Даниелу, член Ордена Иисуса,

Отец Андрей Лиежэ, доминиканец, который жалеет о невозможности быть среди нас, так как он находится в Канаде,

Жак Шатанье,

Жак Мадоль, также отсутствующий из-за своего участия на конференции в Бельгии,

Анри-Ириной Марру,

Пьер Паскаль,

Пьер Эмманюэль,
Пастор Жан Боск,
Пастор Жорж Казалис, тоже находящийся за границей,
Пастор Андрэ Дюма,
Пастор Альбер Финэ,
Оливье Клеман,
Профессор Павел Евдокимов и
Никита Струве*).

Этот список, думается мне, с очевидностью показывает вам, что мы — католики, протестанты и православные — объединились, чтобы свидетельствовать об одном и том же. Различие вероисповеданий, различие убеждений существует также и на этой эстраде. Да, мы различны, мы думаем по-разному и, однако же, из этих различий и должно родиться сегодня свидетельство о единении. Ни один из нас не считает, что он более прав, чем его брат, поэтому взгляните еще раз в ту сторону, где страдают люди, гонимые за Христа. В нашем различии, в нашем достоинстве этот совместный взгляд, эта любовь и соборная молитва должны нас сегодня объединить.

Сегодняшнее собрание ни против кого не направлено, это собрание не носит политического характера. Мнения, которые те или иные из нас могут иметь, наши суждения о том или ином режиме или политике не будут приняты сегодня во внимание.

Однако, совершенно очевидно, что никто здесь не утаит того, что он думает, каждый будет говорить с полной откровенностью, но очевидно также и то, что ставится вопрос политический в широком смысле слова и что каковы бы ни были наши мнения, мы поставим его сообща, так как все вместе мы желаем мира и мы надеемся на мир.

Мы все признаем, что меры, принятые за несколько последних недель против Русской Православной Церкви противоречат стремлению к миру и мирному сосуществованию, так часто и так официально провозглашаемому. Ибо мир — это не только диалог дипломатов, но это также, и это прежде всего — мирное сосуществование и диалог между народами, культурами и религиями. Мы не можем разделять этих двух понятий, и мы единодушно считаем, что вопрос о прекращении этого гонения свидетельствовал бы о стремлении к миру, о котором политические вожди гласят перед

*) Краткая справка о членах Комитета помещена на стр. 29.

лицом всего света. Избранный председателем на этом вечере, я больше ничего не могу сказать по этому поводу.

Мне остается огласить повестку собрания:

Вы заслушаете сперва Франсуа Мориак, затем информационный доклад, который прочтет Оливье Клеман, потом произнесут речи отец Даниелу и Пастор Альбер Финэ.

В качестве комментария и подтверждения этой информации, вы услышите несколько слов, произнесенных Пьером Эмманюэль, сведения, дошедшие оттуда, о которых вам сначала расскажет лицо, вернувшееся оттуда, а затем их дополнит несколькими другими сведениями наш друг Никита Струве.

Но, повторяю, вы пришли сюда не только для того, чтобы нас выслушать, но мы рассчитываем на вас и мы видим, что вы уже дали ваш первый ответ своим присутствием. Мы надеемся на вас, чтобы показательная документация, которая будет вам представлена сегодня, подняла бы во Франции и далеко за ее пределами непреодолимую потребность истины, большое движение сочувствия, спокойную солидарность, без резкости, но решительную — которая довела бы до конца защиту наших братьев христиан в России.

Франсуа МОРИАК

Господа,

Прежде всего, мне хочется сказать вам, как я тронут и даже взволнован этим многолюдным стечением народа. Ваше присутствие здесь является уже свидетельством, и я благодарю вас за это.

Православные, католики, протестанты, — мы все должны радоваться тому, что мы собрались здесь в этот вечер и я чувствую, что что-то странное звучит в том, что надо радоваться, в то время как цель нашего сегодняшнего собрания — нужно это признать — самое прискорбное явление в мире, ибо что может быть прискорбнее гонения на Церковь Христову? Однако, то, что происходит в настоящее время в России — гораздо более, чем гонение, больше даже, чем жестокое гонение; вам сегодня будут об этом представлены страшные доказательства.

В настоящее время можно сказать, что в России «уже и секира при корне дерева лежит» и что вопрос стоит о полном уничтожении.

Разумеется, мученичество Православной Церкви в России, — можно сказать — мученичество Святой Руси, — это старая история, ибо она длится уже 40 лет, но вот что в ней нового. Дело в том, что перед последней войной, когда гонение достигло апогея, — тогда мы, во Франции, опечалились, конечно, но, в конце концов, все это происходило в другой Церкви, иными словами — на другой планете. То новое, что происходит здесь и в настоящее время, это то, что — как вам только-что говорил Домена, — мы чувствуем, мы ощущаем, мы испытываем всем существом, что мы все члены одного тела и что когда один член поражен, то все тело страдает. В общем, то, что мы обнаруживаем сегодня, это то, что происходит в настоящее время на Соборе в Риме: дело заключается не в том, чтобы устанавливать новые формулы или обновлять дисциплины, но что новым духом повеяло на христианство, а христианство — это каждый из нас.

Вот почему, когда Христа распинают на кресте в Москве, то вопль раздается во Франции. Он раздался в книге нашего друга Никиты Струве, он раздался во многих газетах, и не думайте, что это останется без последствий, так как железный занавес перестал быть непроницаемым, как прежде — идеи просачиваются, как и люди. Мне теперь часто приходится принимать у себя русских друзей и коллег. Идеи просачиваются, и я порадовался узнать, что человек с таким научным авторитетом, как, например, отец Дюбарль, мог получить разрешение принять участие в недельном конгрессе марксистской интеллигенции и что он мог дать ответ на жалкую выходку того космонавта, который заявил, что он не встретил Бога в космосе.

Но, что же, надо действительно пересмотреть эту проблему, надо возобновить обсуждение, исходя от нуля и, поистине, можно сказать, с этого самого нуля. И будьте уверены, что сегодняшняя Россия отнесется к этому внимательно, как она всегда внимательно относится ко всем реакциям Запада и, в частности, ко французским реакциям.

Господа, нужно вспомнить, что в годы, предшествовавшие последней войне, Православная Церковь казалась почти уничтоженной и вдруг, во время войны, произошло чудесное воскресение. Это-то именно воскресение и вызывает теперешнее ужасное гонение и, хотя я и уверен в том, что мы будем очевидцами нового воскресения, но на этот раз оно не произойдет без нашего участия.

Большая радость и великая милость, но и огромная ответственность лежит на современниках экуменического движения. Будьте

уверены, что это второе великое воскресение Святой Руси не произойдет без того, чтобы каждый из нас в нем не сыграл своей роли.

Христос страдает до смерти в Москве, будем бодрствовать, а не спать в это время.

Оливье КЛЕМАН

НАТИСК НА ЦЕРКОВЬ В С.С.С.Р

1. Возврат к Сталинскому законодательству и антирелигиозный закон 1962 г.

Начиная с 1959 г. на Русскую церковь обрушилось молчаливое, но действенное гонение. Сомневаться в этом долгие годы не следовало: и советская пресса, и новые законодательные меры, и доклад Ильичева, и недавние мероприятия Центрального Комитета, и слезные молитвы верующих (в частности, прошение адресованное женщинами Минского района Восточным Патриархам), и свидетельства западных христиан, знающих русский язык и побывавших достаточно долго в России, чтобы проникнуть в среду верующих — все это сводится к утверждению серьезности положения, могущему быть уточненным и цифрами. А именно, если сравнивать данные, сообщавшиеся Московской Патриархией в 1959 году с теми, что преподносят нам в 1962 году некоторые специалисты по борьбе с религией (в частности некий Юдин в его «Правде о Петербургских святынях» — Ленинград 1962, стр. 8), приходится констатировать, что за первые три года гонений, число открытых церквей упало с 22.000 на 11.500, а служащих священников — с 30.000 до 14.000. А ведь с тех пор систематическое разрушение Церкви российской лишь еще более расширилось.

Дело тут не в ослаблении веры. Русская Церковь необычайно живуча и главный руководитель антирелигиозной жизни, Л. Ильичев, первый же признает «оживление религиозных чувств в некоторых советских кругах» со времени Второй Мировой войны. Без риска сильно ошибиться можно говорить о 40 миллионах верующих, из коих 30% молодежи (по данным самого Ильичева).

Церковь не хочет исчезать, так ее заставят исчезнуть, поскольку ее существование почитается несовместимым со строительством коммунизма. «Нормализация» отношений Церкви и Государ-

ства, установившаяся во время войны и признанная официально в 1945 году, отменяется Советским Государством, начиная с 1959 года. Под предлогом восстановления «Ленинской законности» (хотя в действительности ленинская конституция 1918 года представляла свободу не только отправления культов, но и свободу совести), ныне возвращаются к худшим сталинским законам, изданным между двумя мировыми войнами, а именно к декрету 1929 года, принятому одновременно с коллективизацией и первыми пятилетками с целью единовременной ликвидации как Церкви, так и всего «старого мира».

Эти декреты, сводившие деятельность верующих к одному лишь богослужению, не признают права на существование монастырей, ни возможности «материального обслуживания» приходов, ни финансовой взаимопомощи между законом изолированными, «богослужебными группами». Но это еще не все. Как отметил Н. А. Струве на пресс-конференции 2-го марта с. г., издан был в 1962 г. новый антирелигиозный закон, сурово карающий организацию религиозной группы, деятельность которой сопряжена с причинением вреда здоровью граждан. А Министерство Здравоохранения только что подтвердило (в радиовещании по случаю православного Рождества), что крещение и причастие являются обрядами антигигиеническими, умножающими риск распространения эпидемий.

2. Удушение монастырей и семинарий.

Новое толкование законов позволило также закрыть более половины монастырей: их было 69 в 1958 году, а осталось в 1962-м только 31 (по официальным советским данным).

Действительно, монастыри законного существования не имеют, а кроме того к некоторым из них, вновь открытым при германской или румынской оккупации, можно было применить декрет, изданный сразу после войны и отменяющий все распоряжения оккупационных властей. К тому же монашествующие лишаются всех средств существования путем постепенной урезки права на труд, первоначально за ними признанного; им отказывают также в праве жительства, а многие из них подвергаются повторному медицинскому освидетельствованию, особо унижительному для монахинь, а то и просто интернируются в психиатрических больницах.

Семинарии же находятся под непрерывным давлением, с целью воспрепятствовать пополнению пастырей Церкви и лишить христиан возможности изучать свою веру. Из восьми семинарий, открытых благодаря «нормализации» 1945 года, три были просто за-

крыты административным распоряжением (в Киеве, Ставрополе и Саратове), а две — практически опустошены недопущением в них студентов (в Минске и в Луцке), в Ленинградскую — в 1961 году на первый курс записалось всего лишь восемь человек, вместо тридцати, записавшихся на него до последних гонений. Только семинария в Загорске (под Москвой) и в Одессе еще кое-как сопротивляются. Первая из них часто посещается иностранными делегациями. А вторая, лишенная в 1960 году своего помещения, нашла приют в Успенском монастыре, являющимся летней резиденцией Патриарха. Методы удушения семинарий следующие: отказ в праве жительства (скажем, во время летних каникул); массивная отмена отсрочек по образованию и немедленный призыв семинаристов к отбыванию военной повинности, на срок не менее трех лет (прочие студенты в СССР вообще ее не отбывают); устрашение учащихся, либо организацией атеистических собраний в семинарских помещениях и «приборка к рукам семинаристов антирелигиозными специалистами» (как это произошло в Ставрополе), либо перехват — как это имело место в Минске, в 1963 г., кандидатских писем, публикуемых в местной прессе с «убедительными» комментариями. В этом отношении доклад Ильичева категоричен: интеллигентный человек не может веровать, а коли он провозглашает себя верующим, то значит он «лицемер» и «политический авантюрист», которого следует безжалостно «разоблачать».

3. Закрытие церквей.

Что же касается свободы отправления культов, гарантированной Конституцией СССР, то лучшим способом ее сокращения естественно является массивное закрытие богослужебных зданий. Как мы уже упомянули, 10.500 церквей (из 22.000) были закрыты в 1962 г. В западных областях Сов. Союза был массивно применен, с п я т н а д ц а т и л е т н и м о п о з д а н и е м, пресловутый декрет, отменивший все распоряжения оккупантов. Другими предложениями являются нужды градостроительства (под такой угрозой находится московский патриарший Собор, взамен которого Православной Церкви предлагают полуразрушенный монастырь на окраине города), либо закон об отделении Церкви и школы (многие учебные заведения, будучи расположены в зданиях бывших приходских школ, соседствующих с церквями, последние должны быть уничтожены для устранения вредных влияний на детей); либо — наконец — отсутствие нужного числа двадцатки, сокращаемого испытанными средствами административного воздей-

ствия. Но главным методом все же является финансовое удушение. Чтобы остаться в рамках самого существенного (а можно было бы упомянуть и финансовую изоляцию каждой «вероисповедальной группы», и «добровольные взносы» в пользу Конгресса Мира, и невероятно высокие ставки содержания и ремонта зданий, устанавливаемые правительственными комиссиями), все смященники, до сих пор подверженные тем же налогам, что и прочее население, с недавних пор вынуждены платить 83% с заявляемого ими дохода, приравненные в этом отношении к свободным профессиям, так обкладываемым в СССР с целью делать их невозможными. А поскольку священники с 1961 года состоят на месячном жаловании, и продажа свечей приходами с барышем приравнена к незаконной спекуляции (что по словам «Науки и Религии» лишает их трех четвертей приходских доходов), большинство вероисповедальных групп вынуждены были просто самоупраздниться. Десятки же священников были судимы и заключены в тюрьму за попытки обойти эти налоговые узаконения (о том еще недавно писалось в «Литературной газете» от 21.2.64).

4. Притушенные приходы.

Приходы, богослужебные здания, которые еще не закрыты, вынуждены прозябать. Священник теперь «нанимается» (или «увольняется») исполнительным органом мирян, возглавляемым старостой прихода, иногда навязанным властями предержажими. Священникам не рекомендуется посещать прихожан на дому, доступ же к умирающим в госпиталях практически невозможен.

Все более пытаются свести богослужение к одной воскресной службе: будничные службы, проповеди или поучения (напомним, что таковые могут по закону иметь место только в церкви) теперь понемногу упраздняются. Да и воскресные проповеди строго контролируются; в некоторых епархиях, надо заранее представлять копию проповеди соответствующим властям. Что же касается снабжения приходов необходимыми продуктами (за которыми, ввиду коллективной экономики страны, им приходится обращаться в государственные учреждения), то таковое снабжение в докладе Ильичева именуется незаконным и оно становится все более трудным: зимою 1962-63 гг. большинство церквей не могли доставать топлива.

Наконец, огромное усилие предпринято сейчас властями для воспитания молодежи в духе агрессивного атеизма и для полной изоляции ее от Церкви.

5. Поход против христианской семьи.

Начиная с 1961 года, стало труднее совершать таинство крещения. Ребенок может быть предоставлен крестящему своим отцом, обязанным при этом предъявлять удостоверение о месте службы и вид на жительство. Но учреждения такие удостоверения выдающие, обычно делают мишенью безбожников-активистов, обвиняющих эти учреждения в нарушении предписываемого конституцией разделения Церкви и Государства (см. «Известия» от 17.9.63). Если же священник окрестит ребенка, не требуя предъявления квитанции от старосты, или как-либо обойдет какое-нибудь иное из связывающих его указаний, он рискует быстрым доносом со стороны правительственного шпиона или провокатора. Он может тогда потерять свое право на служение; причем, никакое предприятие не имеет право нанять его на другую работу. Ему остается тогда лишь жить на общественную милость, а за это часто быть привлекаемым к суду за «паразитизм». Кроме того, сам приход его рискует быть закрытым властями.

С другой стороны, власти сейчас постепенно склоняются к полному запрещению детям школьного возраста (т. е. от 3-х до 18-ти лет) приобщаться Святым Таинств или даже входить в церковь. Судя по прошению минских женщин, такое запрещение, основанное на законе об отделении Церкви от Государства, применялось в Белоруссии уже с 1961-го года. В нескольких епархиях соответствующие устные инструкции были даны и священникам и старостам приходов. Запросившим же письменных инструкций было в этом отказано. Впрочем, заявление Ильичева на идеологическом пленуме Ц.К. партии, 26-го прошлого ноября (являющееся форменной хартией новой антирелигиозной кампании) заставляет нас думать, что это запрещение может стать повсеместным.

Действительно, Ильичев метит прямо в сердце христианской семьи, той семьи, которая еще пытается воспитать своих детей в отеческой вере. «Факты доказывают, что именно семья — главный очаг религиозного мракобесия», говорит он, прибавляя: «Мы не можем допустить, чтобы слепцы и неучи воспитывали и извращали своих детей по собственному образу и подобию». И в самом деле, мероприятия, изданные центральным комитетом по выслушании доклада Ильичева и напечатанные в «Партийной жизни» (№ 2 от января 1964-го г.) предусматривают в параграфе 5: «меры к усилению атеистического воспитания граждан», «интенсификацию

контроля для защиты детей и подростков от влияния церковников» и «воспрещение родителям принуждать своих детей к выполнению религиозных обрядов». Те же инструкции параграфом 4-м предусматривают усиление «атеистического воспитания» родителей, в особенности матерей. Для этого организуются атеистические курсы «при родильных домах и консультациях для женщин и детей» и особенно при «материнских школах». Чтобы внедряться в семьи и разрушать там веру в Бога, Ильичев рассчитывает кроме учительского состава, главным образом на врачей, которые, «благодаря своей профессии, знают лучше кого-либо частную жизнь своих пациентов, их мысли и заботы, и чаще других соприкасаются с верующими».

В школах применяют сильное давление, чтобы все дети участвовали в «пионерском» движении, где им обеспечено атеистическое воспитание. Верующий подросток имеет мало шансов закончить среднее образование и поступить в высшее учебное заведение. «Наука и Религия» приводит случай с учеником выпускного класса, способного и работающего, но, о котором стало известным, что он верующий христианин. Ему нарочно, на уроке естествознания, задали вопрос о происхождении человека. «Я не могу вам ответить на это по вашему учебнику», ответил он. Его исключили из школы, а несколько недель спустя — судили за «паразитизм».

В прошении минских женщин приводятся также слова начальницы школы, угрожающей верующей матери, что «санитарная инспекция пошлет ее на проверку в комиссию и засадит в психиатрическую лечебницу, а детей ее отдадут в интернат». Уже были такие случаи изъятия детей из семей в судебном порядке. Ильичев по этому поводу угрожает: «мы не можем, не должны оставаться безучастными к судьбам детей, над которыми родители-фанатики по существу совершают духовное насилие. Мы не можем допускать, чтобы слепые, невежественные люди растили детей по своему образу и подобию, калечили их. Для нас не может быть безразличным, чем является семья в советском обществе: ячейкой коммунистического воспитания или прибежищем отсталых взглядов, отживших нравов, привычек и суеверий». И он приводит в пример благородный поступок молодого ленинградского слесаря Р. Малоземова, которому удалось вырвать из-под опеки его «родителей-фанатиков» малолетних братьев и сестер. «Это по-настоящему умный антирелигиозник, побольше бы таких».

К сожалению, надо уточнить, что тут дело не в том, чтобы вырвать детей из их семьи — предоставить им возможность свободного выбора, а в том, чтобы принудить их к «научному мировоззрению», пытающемуся на примере химии доказать всемогущество человека, а полетами космонавтов — небытие Божие.

о. Жан ДАНИЕЛУ

Когда Оливье Клеман пригласил меня принять участие в Комитете информации об антирелигиозной политике в России, я тотчас же согласился. Согласился я сразу потому, что прочитал книгу Никиты Струве и почувствовал в своем сердце отчаянный призыв наших русских братьев. И я почувствовал своим долгом откликнуться на этот призыв из чувства христианской солидарности. Когда один из членов тела Христова страдает, то страдает с ним все тело — напомнил нам только что Франсуа Мориак. Я почувствовал себя тем более ответственным, ибо в то самое время, когда советское правительство преследует наших православных братьев, оно делает вежливые жесты по отношению к моей церкви. Я радуюсь этим жестам, я радуюсь тому, что на соборе в Риме были наблюдатели из Москвы, я радуюсь всему, что может служить делу экуменизма, но я не хотел бы, чтобы это скрывало от глаз католиков то, что происходит сейчас с нашими православными братьями, ибо я думаю, что первой задачей экуменизма является солидарность с теми из христиан, которые страдают.

Если сегодня наше сердце отягчено печалью, то это потому, что — как нам об этом рассказали — страдает христианский народ, то-есть бедняки, смиренные деревенские женщины, дети; преследуется не интеллигенция, находящаяся в идеологической оппозиции партии, а сам русский народ — самые смиренные, самые скромные представители Святой Руси.

А в мире нет ничего более священного, чем вера обездоленных. Ибо именно им — бедным — принес Христос Свою благую весть и именно бедные поверили в Него. Было бы абсолютно неверно думать, что христианство может состоять из кучки специалистов, окруженной толпами чуждых Христу безбожников; этого Христос не хотел, ибо принес Он Евангелие всем и каждому — бедным — всему множеству, и мы можем мыслить христианство только в качестве огромного народа, в котором есть все: и праведники и менее праведные, ибо христианство не может быть общество

только чистых, оно — по своей сущности — всенародно: в нем есть место всем. Но именно это и поставлено под вопрос. Недавно в Женеве я слышал марксистского философа поляка, который заявил: «мы знаем, что метафизическое беспокойство всегда будет характерной чертой нескольких интеллектуалов; это не имеет для нас никакого значения. Чего мы не хотим — это христианского народа».

Но самым невыносимым в страдании наших братьев является для нас то, что стремятся разрушить веру у детей. Вам уже сообщали ряд данных, я приведу еще один текст: «Необходимо прибегнуть к принуждению. Всякое религиозное давление на малолетних должно быть преследуемо как уголовное преступление». Таким образом, священное право родителей передавать свою веру детям рассматривается как преступление. Это заставляет нас вспомнить слова, сказанные очень давно, но не могущие не зазвучать в наших сердцах сегодня — слова Того, кто сказал: «пустите детей приходить ко Мне, и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие».

А с другой стороны (об этом пишет Н. Струве) — мы видим мальчишек, которые выдрессированы глумиться и издеваться над мужчинами и женщинами, идущими по воскресеньям в церковь, и по этому поводу мы вспоминаем другие слова Христа, сказанные Им в одном из трех случаев Его гнева, когда по отношению тех, кто соблазнит детей, то-есть уничтожит в их сердце веру. Он сказал: «кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

Если Христос прогневался, если из глубины Его души — бесконечно чистой и вместе с тем бесконечно милостивой — вырвался этот крик возмущения, то действительно здесь имеет место нечто невыносимое, и для нас сегодня сострадать тем, кто подвергаются этому, является священной обязанностью, которая тем священнее, что они не могут защищаться, потому что они — дети. Пусть нападают на образованных людей: споры с ними могут стать тем диалогом, о котором нам только что говорил Франсуа Мориак. Но отрицание религии на основе презрения к ней, это тонко продуманное разрушение религии, потому что она якобы является остатком умершего мира, пережитком отошедшей эпохи, которые ни в коем случае не могут быть приемлемы для образованного человека, знакомого с научными достижениями XX в. Вот, что действительно невыносимо — в особенности когда это внушается людям, кото-

рые — благодаря господствующей системе образования — лишены возможности защищаться.

Но мы, в данном случае знаем, где подлинная мудрость. Она, конечно, у той бедной женщины, которую презирают, потому что она молится в темной церкви, а не у тех, кто ее презирает, потому что они верят в то, что их «научность» делает их более мудрыми, чем она и дает им право презирать ее. И это для нас невыносимо, хотя мы знаем, что бывают и другие случаи, когда преследование представляется оправданным. Церковь неоднократно боролась с политическими силами и эта борьба часто принимала форму преследований. Насилие может иметь место в разных областях, и мы не должны забывать, что и у нас были свои Варфоломевские ночи.

Нам нет надобности изображать из себя невинных младенцев и возмущаться всем, что нас окружает; но в данном случае — и это было сейчас подчеркнуто — дело идет о народе, который волей неволей примирился с господствующим политическим строем, о христианском народе, который доказал свою лояльность по отношению родины, которую он любит; он лоялен и по отношению к власти, которой он повинуется — поскольку она не предписывает ему того, что противоречит его христианской совести, ибо все это принимается им как воля Божия, потому что всякая законная власть от Бога.

Таким образом для русского народа религия отнюдь не является маской, под которой могла бы скрываться какая-либо оппозиция режиму. Именно это лишает меры, направленные к разрушению веры в Бога, той видимости оправданности, которая может иметь место в других случаях: здесь дело идет исключительно об уничтожении веры.

И вот это — я должен и я хочу на этом настаивать — лежит у нас на сердце. Дело не в том, что люди страдают, а в том, что стремятся разрушить их веру. Ибо вера — это самое драгоценное, что есть в мире, и в то время, когда возникает техническая цивилизация, которой мы восхищаемся, в то время, когда Россия принимает участие в этой задаче — мы чувствуем — и кто в мире не чувствует этого вместе с нами, — что над человечеством повисла огромная угроза. Совокупность всех человеческих усилий может быть направлена исключительно и существенно на производство материальных ценностей и тогда другая существенная сторона человека, его отношение к Богу, почитание Бога и все вообще, что касается его духовной судьбы, окажется подорванной.

В мире повсюду идет борьба против того, что живет верой, что питается священным, что принадлежит к тому, чего может оказаться лишен завтрашний мир, ибо инженеров всегда будет достаточно, а монастырей может и не оказаться, и тогда и самый мир может погибнуть, именно, вследствие отсутствия монастырей.

Эту опасность мы ощущаем в самом существе нашем, но не потому, что мы хотим играть в невинных детей: мы были бы фарисеями, если бы мы бросили камни в других, не произнося своего *mea culpa*. Ибо имеется другая возможность разрушать веру — внешне менее соблазнительная, но не менее утонченная и опасная. Мы были бы фарисеями, я был бы фарисеем, если бы я осуждал разрушительную работу советского коммунизма, не упоминая о том, что всякая борьба с религией, в самых своих утонченных формах, создана не без нашего соучастия. Но бесспорным является то, что те, кто страдают и о страданиях коих мы свидетельствуем, заставляют нас протестовать и засвидетельствовать нашу неизменную верность нашим братьям в России, и эта верность должна быть тем более крепкой и глубокой, поскольку нас никто не преследует, когда они страдают.

Вот почему мы сегодня молим Бога за наших братьев, для чего мы и собрались сегодня здесь, так же как мы молим Бога и за тех, кто их преследуют.

Альберт ФИНЭ

Когда драгуны всехристианнейшего короля квартировали у протестантов, опустошая житницы и обкрадывая курятники, когда миссионеры в сапогах отбирали детей у гугенотов, чтобы отдать их в монастырь, когда королевские галеры снабжались протестантскими гребцами, когда на площадях сжигались Библии и «лютеранские» книги, не забывая также и их авторов, — тогда преследование против протестантов, считавшихся злодеями, было явным и откровенным. И именно тогда, французская революция, во имя прав человека, восстановила французских протестантов полностью в гражданских правах. Но в то же время она преследовала и притесняла священников, не покорившихся конституции, считая их защитниками свергнутого режима. Ее культ высшего существа и бо-

гини разума уже содержит в зачатке ошибочную идеологию Леонида Ильичева о духовных благах научного познания (1).

В этот период испытаний, французские протестанты были счастливы найти в Голландии, Швейцарии, Пруссии, Англии помощь, поддержку, убежище и таинственную мощь молитвы о заступничестве. Они это не забыли. Преемственность протестантской веры была сохранена, спасена от бессмысленного разрушения, о котором мечтали их религиозные противники. И потому, что мы не забыли эту темную страницу нашей истории, избегая возлагать ответственность за это на католиков, наших современников и братьев, хотя и отделенных, и потому, что мы не забыли об этих днях, судьба православных христиан в России нас волнует и мы хотели бы им помочь в теперешних испытаниях.

Россия далека, сведения отрывочны и славянская душа иногда трудна для понимания, и потому, то, что доходит до нас о положении православных христиан или баптистов и вообще о людях, исповедующих какую-нибудь религию, будь-то христианская или мусульманская — менее ясно чем то, что происходило у нас. Более смягчено, опутано, окрашено гуманной заботой, волей к освобождению, раскрепощению, цинизм которого, без сомнения, бессознателен, но который покрыт псевдо-научным аппаратом, мерами заглушения, аналогичными тем, которые мы перенесли.

Наиболее простой способ заставить людей сдаться — это их разорить, привести к банкротству. И это возможно сделать самым легальным в мире путем, увеличивая налоги на священников, уничтожая продажу свечей (являющейся одной из форм приношения) и запрещая взаимопомощь между приходами.

Если родители непокорны, — то действовать на детей; запрещая детям от 6 до 18 лет посещение церкви и принятие участия в таинствах и усиливая анти-религиозную пропаганду в школах.

Галеры не в моде, остаются тюрьмы и, главным образом, дома для сумасшедших. Это находка. Православный христианин не «злодей», самое большое «паразит», но разум его помрачен, ненормален. Сумасшедший дом открывает ему двери.

Информация является жизненной необходимостью каждого общества, поэтому ему запрещают распространение религиозных журналов и издание Библии на разговорных языках. Об использо-

(1) Рапорт, поданный во время собрания идеологической комиссии при Центральном Комитете Коммунистической Партии 25-26 ноября 1963 г. в Москве, его председателем Леонидом Ильичевым. «Informations Catholiques Internationales» (№ 211, 1 марта 1964) приводят целиком перевод этого рапорта.

вании радио и телевидения, разумеется, не может быть и речи. И все эти законные меры, вытекают из добрых чувств. Я это пишу без иронии, но это глупо, хоть плачь. Потому что, как нам объясняет Леонид Ильичев, это именно из любви к человеку, созревшему благодаря научным знаниям, следует его избавить от грубого невежества, которое Ильичев отождествляет с религией: значит ли это, по его мнению, что Сократ, Платон, пр. Исаия, ап. Павел, блаж. Августин и т. д. не были зрелыми людьми, поскольку они не знали о разложении атома?

Французская революция дала протестантам равенство в правах, свободу богослужений, свободу слова и совести. Конечно, не без задней мысли, тем не менее, это факт.

Нам кажется, по крайней мере, странным, что русская революция, наследница французской, присваивает себе методы, введенные Людовиком XIV.

Я знаю, что я слишком упрощаю. И тут, и там примешивается политика. С французским протестантизмом при королевской власти была связана борьба центральной власти с последними крупными феодалами или первыми федералистами. В Советской России «религия», как бы ни были лояльны православные христиане, связывается не только со свергнутым режимом, но с концепцией мира и человека, считающейся, весьма наивно, устаревшей.

Но в том и другом случае то, что политические заботы или ложно научно-философские теории приводят к пренебрежению свободой совести, лишению свободы слова — к принуждению и преследованию, — является позором. Я это пишу без особых надежд пробудить общественное мнение, но для того, чтобы попросить французских христиан молиться и ходатайствовать перед Богом за их русских братьев, которым зажимают рот в их испытаниях.

Пьер ЭММАНИЮЕЛЬ

Два года тому назад я был в Москве по случаю французской выставки и мне хотелось бы поделиться с вами двумя-тремя записями, сделанными там и которые могут осветить то, что я хочу сказать.

Я помню, мне пришлось совершенно случайно, присутствовать на похоронах женщины, бывшей членом хора старообрядческой церкви. Отпевание происходило посередине церкви, покой-

ница лежала с открытым лицом и в то время как подходили отдать ей последнее целование — поцеловать руки и лицо — хор исполнил прекрасное песнопение: «придите последнее целование дадим, братие, умершей». Одним из первых подошел мальчик лет пятнадцати; простившись, он спрятался за колонну, постоял несколько мгновений, сотрясаясь от рыданий, и поспешно вышел. Со мной был переводчик, я попросил его узнать, кто был этот мальчик, ему ответили, что это сын умершей, не смогший получить отпуск на утро, чтобы погребсти свою мать и принужденный вернуться на работу.

Вот другой случай. Я читал доклад перед аудиторией, состоявшейся большей частью из старых или очень молодых людей и приобрел нескольких друзей, несомненно в тот момент, когда говорил о христианской поэзии во Франции. Среди этих неизвестных друзей, была одна женщина, неоднократно пытавшаяся встретиться со мной в отеле и ставшая, наконец, поджидать на улице, чтобы иметь возможность поговорить со мною. Она мне рассказала свою историю; она такая горестная, что не буду ее здесь повторять — и потому еще, чтобы не дать возможности найти ту, о которой идет речь. Между прочим она рассказала, как ей удалось побороть отчаяние, благодаря приходу к вере и Церкви и как она нашла, живя бедно и незаметно в общине, то, чего ей не хватало до сих пор и что ей дало возможность не только жить ей самой, но также дать возможность жить и некоторым другим. Наконец, когда я прощался с ней, она спросила: «нет ли у вас Библии?» У меня было много книг и я их роздал одну за другой. Сохранил только свою личную Библию, Иерусалимскую, у меня было чувство собственности к ней и хотя я знал, что должен ее отдать, мне было трудно расстаться с ней, особенно в атмосфере, в которой я жил последние дни. Я все же отдал Библию этой женщине и у меня было впечатление, что это был самый большой дар, какой возможно было ей сделать.

Я также встретил другую старую даму, к которой у меня возникла большая привязанность и с которой, время от времени я переписываюсь. Она дала мне понять, в довольно неприкрытой форме, до какой степени русский народ чувствует себя потерявшим почву, обездоленным и лишенным традиций. Тоже чувствовал и я, когда старался найти это духовное наследство там, где оно больше всего проявляется, в молитве, т. е. в церквях, являющихся местом отдыха и духовного сосредоточения.

Я не знаю, представляете ли вы себе, — нам это так трудно представить, — мир ежедневной жизни, мир мысли, мир словесного художественного выражения, я хотел сказать мир слова, но, будет

вернее, мир языка, где не возникает вопроса о Боге, где слово Бог не появляется никогда иначе как пережиток прошлого, как анахронизм. Мир, где не говорят о Боге, мир, где не думают о Нем, мир, где не славословят Его, во всяком случае, где все это не может быть выражено ни устно, ни письменно.

Это, по крайней мере для меня, полное удушье. Я не представляю себе мира, лишенного до такой степени идеи о Боге и способного долго просуществовать; я не представляю, чтобы люди могли лишать других людей во имя не знаю какой будущей надежды, во имя не знаю какой свободы, я не представляю, что люди могут лишать других людей права искать Бога, прославлять Его и это мне кажется каким-то административным безумием, превосходящим всякое представление, которое я могу иметь о каком-либо государстве. Потому что это наше изначальное право, это основное право нашей личности, это право не только утвердить себя в мире или обществе живых существ, как-то организованных в экономическом и политическом плане, но и утвердить себя перед всеми людьми и главным перед Богом, который нас создал и к которому мы направляемся. Когда я вспоминаю моих советских друзей, то думаю, что я услышал их и понял по их тону, по тону не разгоряченному, а часто интимному, духовно-сдержанному, что страдания, в которых они живут, живут благородно и бедно, может быть способствуют сохранению христианской сущности и они сохраняют ее не только для себя, но может быть и для нас. Тема смерти и воскресения, которая так жива в русской церкви, взрыв Пасхальной радости, все это, мне кажется, переживается там как чаяние будущей исторической реальности, но все это переживается в общении с нами, — мы принимаем в этом участие и каким-то образом благодать отражается и на нас.

Мне часто случалось думать после поездки в СССР, что русские являются более подлинными свидетелями Иисуса Христа, чем мы.

Я так же думал об этом, читая удивительную книгу, которая, как бы является итогом ежедневной духовной жизни бесчисленных людей в России, тех, которые пересекли 50 лет истории, стараясь плохо-ли, хорошо-ли выжить и стараясь также остаться живыми, живыми во внутреннем смысле. В этой удивительной книге «Доктор Живаго», меня может быть больше всего поражают встречи людей после долгой разлуки, когда кажется, что разлука уничтожила все связи между любившими друг друга, после долгого периода разлуки, когда разрушались семьи, дружба, лю-

бовь и внезапно эти новые встречи, всегда те же, свидетельствующие о глубокой солидарности — о соборности судьбы — всех. Я думаю, что сегодня эту соборность мы можем чувствовать между нами, — мы в ней, — в сущности это соборность страдания, но я верю, также (и это нужно подчеркнуть к чести наших русских братьев), это соборность славы.

СЛОВО СТУДЕНТКИ, ПОСЕТИВШЕЙ СОВ. СОЮЗ

Я привожу ряд свидетельств о религиозных преследованиях в Советском Союзе: эти данные были собраны мною и моими друзьями, побывавшими там в течение последних лет.

Многие церкви, которые были открыты еще в 1961 году, теперь закрыты или же приспособлены к другим целям. Во Львове бывшая церковь иезуитов превращена теперь в музей, храм доминиканцев — в фруктово-овощной склад, а одна церковь 15-го века — служит библиотекой. Опять-таки во Львове мы видели церкви, превращенные в залы физкультуры, в текстильную фабрику и в дансинг.

В Ленинграде одна из церквей является теперь складом для театральных декораций; в Тифлисе мы видели храмы, превращенные в склады школьных книг или в гаражи.

А ведь дело не в том, что верующих мало, даже в настоящее время можно видеть на ступенях церковей молящихся женщин, припавших головой к запертым дверям. Среди молодежи вера также далеко не всегда погасла: когда мы приехали в новый для нас город, нас обступили молодые люди и стали забрасывать вопросами. Юноши — их было около десяти — окружили меня; среди них некоторые работали на башмачном заводе. Я хотела узнать, где находится музей икон.

— А вы разве верующая? — спросил меня один из них.

— Да, а вы?

— Я тоже, — ответил молодой человек, и вокруг себя, я услышала 5 или 6 возгласов «я тоже» и разговор оборвался.

В Киеве церковь имени св. Андрея была закрыта в 1961 году. Официальная причина — ремонт, но она останется закрытой. Мне удалось узнать от некоторых прихожан, как это произошло. 28 мая 1961 г. прихожан оповестили, что церковь их будет закрыта; они тогда в течение 6 дней и ночей установили очередь, молясь

и оккупируя храм. В конце концов, вмешалась полиция и силой заставила верующих освободить церковь; оставшиеся были арестованы или заключены в дома для умалишенных.

В монастыре одного крупного города проживает более трех сот монахинь. Все соседние монастыри были закрыты и монахиням пришлось искать убежище в этом единственном последнем монастыре, причем они со дня на день ожидают, что и этот монастырь исчезнет, так как в свое время он был открыт немцами (когда они проходили через эти места), и официально считается, что этот монастырь остается пережитком нацизма. Уже несколько лет, как монахиням запрещено работать в госпитале; взамен этой работы, они получили от государства пуховики для набивки, теперь же они лишились и этого права на труд: им приходится тайком заниматься этим делом, благодаря помощи отдельных лиц — это ведь единственная работа, позволяющая им как-то существовать.

Нам еще пришлось встретиться со старым, больным священником; церковь его закрыта, жене приходится просить милостыню на пропитание.

В Украине, нам говорили женщины: «Нас преследуют, говорите об этом, а ведь мы все верные граждане. Наши церкви внезапно, ночью, закрываются, наши мужья лишаются работы».

Как-то на наш вопрос, можно-ли достать Библию, наша проводница пообещала нам, что вскоре она нам укажет, где и как можно купить Священное Писание. Когда мы ей напомнили об ее обещании, ей пришлось нам сказать, что Библию можно найти только в библиотеках — притом в частных, не государственных библиотеках — или же в церквях. Мы знали, что в церквях Библий нет, так как уже искали там. «А где же эти не-государственные библиотеки?» — спросили мы. Нашей проводнице пришлось признаться, что таковых вовсе нет. Верующие сами от руки переписывали Священное Писание до тех пор пока и эти самодельные книги были у них отняты, отданы на сожжение или сданы в архив.

От одного диакона мы слышали следующие слова: — «Кто вы, я не знаю. Возможно — если вы донесете — я попаду в тюрьму, но я хочу душу отвести. Положение у нас все серьезнее и серьезнее. В 1965 году, наша церковь будет закрыта. Я зарабатываю 50 рублей в месяц, другой службы у меня нет, а государству я должен платить 100 рублей налогов».

Еще один факт. Трижды имя одной преподавательницы немецкого языка было помещено на позорную доску. По какой причине? Эта женщина — христианка. Ей стали плевать вслед, но ди-

ректор школы все же не уволил ее, так как невозможно было обойтись без лучшей преподавательницы немецкого языка. С момента смерти дочери, эта преподавательница воспитывала своих внуков — воспитывала она их в вере — но когда дети пошли в школу, они стали издеваться над бабушкой, которая ходит в церковь.

Когда мы спросили одну девушку (она пела в приходском хоре), чем она занимается, она нам ответила, что ей пришлось отказать от учебных занятий. Так как она христианка, ей никогда не удавалось в конце года получить необходимое количество баллов, которое дало бы ей возможность получить стипендию на следующий учебный год.

На вопрос одного священника: — «Закрывают ли во Франции церкви?» — Мы отвечали: — «Нет, напротив, строятся новые храмы. Только в старых церквях, за ветхостью, не совершается богослужений». — «Ах! как это хорошо!» — воскликнул этот батюшка. — «А у нас... так...» — и он сделал жест, не тот, который показывает, как завинчивается винт, а движение обеих ладоней, подобное дробящим мельничным жерновам.

КРАТКАЯ СПРАВКА О ЧЛЕНАХ КОМИТЕТА

Франсуа МОРИАК — Французский католический писатель мировой известности, член Французской Академии с 1933 года, в 1952 году лауреат Нобелевской премии.

Отец Жан ДАНИЕЛУ — Известный католический богослов и публицист, профессор ранней церковной истории в Парижском Католическом Институте. Специалист по патрологии (докторская диссертация о Григории Нисском), по Ветхому Завету и раннему христианству, автор десятка блестящих книг по самым разным вопросам. Член ордена Иезуитов, один из редакторов ежемесячного журнала **Этюд**.

Отец Андрей ЛЬЕЖЕ — Католический богослов, доминиканец, профессор догматики в Католическом Институте в Париже и в Монреале (Канада), один из редакторов журнала **Пароль и Миссион**.

Жак ШАТАНЬЕ — Профессор филологии, редактор журнала **Тель Кель**, принадлежит к самому левому флангу католичества во Франции.

Жан-Мари ДОМЕНАК — Ученик известного католического мыслителя (персоналиста) Эммануила Мунье, публицист, редактор левого католического журнала **Эспри**, в котором, в частности, были впервые напечатаны произведения Абрама Терца.

Жак МАДОЛЬ — Ученик Бердяева, писатель, автор работы о Достоевском, председатель общества сближения между христианами и евреями, вице-председатель Мирового Движения за Мир, принадлежит к самому левому флангу французских католиков.

Анри МАРРУ — Профессор церковной истории в Сорбонне, специалист по блаж. Августину, ученый мировой известности.

Пьер ПАСКАЛЬ — Лучший специалист по русской истории и литературе во Франции, в свое время левый католик, проводивший около 10 лет в Сов. России. Автор замечательной монографии об Аввакуме, небольшой, но очень популярной Истории России.

Пьер ЭММАНЮЕЛЬ — Писатель, считается одним из лучших современных поэтов Франции.

Пастор Жан БОСК — Один из лучших протестантских богословов.

Пастор Жорж КАЗАЛИС — Протестантский богослов, участник Пражского Христианского Движения за мир.

Пастор Андрей ДЮМА — Протестантский богослов, принадлежащий к самому левому флангу протестантизма.

Пастор Альбер ФИНЭ — Богослов, редактор крупного протестантского еженедельника **РЕФОРМ**.

Оливье КЛЕМАН — Профессор истории, православный, автор ряда трудов по истории православной Церкви.

Павел ЕВДОКИМОВ — Профессор нравственного богословия в Парижском Православном Богословском Институте, автор крупного труда о Православии, о христианском браке и др.

Никита СТРУВЕ — Помощник профессора в Сорбонне по кафедре русской литературы, автор французской книги о положении Церкви в Сов. России «*Les Chrétiens en URSS*». Ed. du Seuil, 1963.

ПИСЬМО ДЖИОРДЖИО ЛА ПИРА, МЭРА ФЛОРЕНЦИИ, К Н. С. ХРУЩЕВУ

3-го марта 1964.

Опубликованные сегодня в «Правде» сведения о новой анти-религиозной кампании вызвали у населения Флоренции, у итальянского народа и вероятно у народов всего мира сильное изумление и произвели тягостное впечатление. Очевидно это наступление исходит от последователей Сталина, ваших врагов и врагов мира и мирного сосуществования народов.

Как мы выразились несколько дней тому назад на международном съезде молодежи во Флоренции, государственный атеизм является не только знаком нетерпимой дискриминации и гражданского и политического насилия, но и признаком научного и культурного инфантилизма и исторической и политической отсталости. Он является пассивным наследием капиталистической и атеистической буржуазии XIX века. Государственный атеизм не способен понимать широких исторических чаяний новых поколений советского народа и народов всего мира. Он является последним проявлением сталинизма, пытавшегося грубо отторгнуть великий христианский русский народ от самых глубоких и живых ценностей его религиозной, художественной и гражданской истории. Кроме того он является камнем преткновения на пути людей, стремящихся к миру. Этот путь к миру сильно задержится, пока камень не будет убран.

Вот почему я Вам пишу, так как я очень встревожен тягостными и отрицательными последствиями этого неожиданного нового анти-религиозного наступления, которые безусловно проявятся как во Флоренции и в Италии, так и в международных отношениях, особенно со странами «третьего мира».

Я всегда питал к Вам глубокое уважение. Позвольте же мне для блага советского народа и во имя братского мира, братского единства всех народов сказать Вам со всей откровенностью: уберите с русской земли еще и этот труп, труп атеизма, по примеру того, как Вы убрали труп Сталина. Этот труп отравляет воздух. Советский народ больше не терпит этого зловония. Тысяча признаков, от Пастернака до Тендрякова, с полной очевидностью свидетельствуют о жажде такого освобождения, которой проникнута внутренняя жизнь русского народа. Убрав этот труп атеизма, Вы очистите воздух не только Советского Союза, но и всех других

социалистических стран и всего остального мира. И Вы этим окажете громадную услугу в деле установления мира, что является высшей задачей народов вселенной. Ваша любовь к своему народу, давшая Вам столько рвения при искоренении сталинизма, поможет Вам проявить еще большую горячность для искоренения атеизма.

Вы этим осуществите величайший духовный и политический акт современной всемирной истории. Это явится наибольшим проявлением духовных и политических сил, способных повернуть на новый путь современную историю народов. Отзовитесь на этот призыв! Он исходит из глубины дружелюбного и бескорыстного сердца во имя подлинного мира, подлинного прогресса, подлинного подъема советского народа и всех народов вселенной. Народы и поколения любого материка, любого места земного шара благословят этот акт, который Вы предпримете, чтобы освободиться от тупа атеизма и таким образом помочь процветанию высоких подлинных ценностей жизни, данной Богом, жизни благодатной, и творческого расцвета культуры, красоты и молитвы. Мы ждем от Вас этого акта освобождения, который будет встречен с радостью на небе и на земле.

Джиорджи Ла Пира.

Иван АРТЕМОВ

**ВЫСТУПЛЕНИЯ ИВАНА АРТЕМОВА, ОБОЗРЕВАТЕЛЯ
АГЕНТСТВА ТАСС, ПО ПОВОДУ СОБРАНИЯ 11 МАРТА
В ЗАЛЕ МЮТЮАЛИТЕ *)**

(Перевод с французского)

Как отнеслись бы самые беспристрастные французские христиане, если бы в московском дворце спорта (самая большая зала советской столицы) был бы устроен митинг протеста против проповедей, которые произносят французские духовные лица в сво-

*) Редакция сочла необходимым напечатать полностью текст заявления И. Артемова, обозревателя агентства ТАСС, чтобы предоставить возможность читателям "Вестника" познакомиться с официальной советской точкой зрения на положение верующих в Сов. Союзе. Текст выступлений столь красочен, что про эту правду можно сказать только словами А. С. Грибоедова, что она "хуже всякой лжи".

их епархиях? Без всякого сомнения, такое начинание рассматривалось бы как провокация. Как же можно тогда назвать то, что произошло недавно в Париже, где некий «комитет» организовал «собрание христиан» в зале «Мютюалите» для протеста против научной атеистической пропаганды в Сов. Союзе?

Всем известно, что подавляющее большинство советского населения — неверующие. Это касается, конечно, не только 30 миллионов коммунистов и комсомольцев, но также и десятков миллионов беспартийных рабочих, крестьян и служащих. Всем также известно, что атеизм в Сов. Союзе является государственной доктриной. Ничего нового тут нет, как не ново то, что научно-атеистическая пропаганда всегда велась и продолжает вестись среди населения Сов. Союза.

С другой стороны, также верно, что советская конституция строго гарантирует свободу культа. Политические и церковные деятели, посетившие Сов. Союз, могут это засвидетельствовать. «Служители культа знают лучше, чем кто бы то ни было, положение верующих и Церквей в Сов. Союзе», говорит Пимен, митрополит Крутицкий и Коломенский. Он также заявляет: «По моему мнению, истинной свободой пользуется всякая религия в Сов. Союзе, в частности Православие, потому что Церковь здесь отделена от государства. В Сов. Союзе живет наряду с верующими большое количество атеистов. Те и другие равноправны перед законом. Атеизм существует во всех странах, поэтому нельзя рассматривать борьбу разных убеждений в СССР, как движение, направленное против верующих». «В СССР, Православная Церковь ведет активную жизнь».

Таким образом, утверждения клерикальной газеты «Ла Круа», относительно «гонений христиан» в СССР, являются ни чем иным, как преднамеренной ложью, да еще вдобавок неудачной. Приведем пример: газета «Ла Круа» утверждает, что один советский гражданин, имя которого не указывается, жаловался французским туристам, посетившим СССР, имена их также не указаны, что «наши церкви закрывают ночью без предупреждения». Мы можем осведомить, не столько газету «Ла Круа», как ее читателей, что не так просто закрыть церковь в СССР. Сперва надо, как говорит русская пословица, «съесть вместе пуд соли». Это очень долгая и сложная процедура, требующая решения самих граждан, санкции различных властей: исполкомов советов (начиная с сельсоветов и доходя до советов республики) и в конечном счете официальное согласие одного из государственных комитетов совета министров СССР. Эта процедура соблюдается даже в том случае, когда сам

священник вынужден закрыть церковь, так как в приходе осталось всего от 10 до 15 верующих (церкви содержатся на подаяния верующих). Такой случай произошел, например, в Кокнес, в Латвии.

Спрашивается, кому на руку переполох, поднятый во Франции, по поводу «положения христиан» в СССР?

За последние недели, в отношениях между Сов. Союзом и Францией, произошел ряд событий, которые можно рассматривать как реальные шаги по укреплению франко-советской дружбы. Это явно не нравится некоторым французским кругам, которые в своей слепой ненависти к коммунизму жаждут обострения международной напряженности. Это, именно, реакционные силы и создали эту новую антисоветскую кампанию. Они-то и возбудили в Париже «воинов Христа», направляя их действия.

Очень жалко, что Франсуа Мориак, романы которого высоко ценятся в СССР, как верующими, так и неверующими, дал возможность себя вовлечь в такую презренную антисоветскую кампанию. Мелодраматический монолог, произнесенный Франсуа Мориаком в Мютюалите, резко не соответствует образу писателя, который является защитником мира и разоблачителем морали лицемеров.

Речи многочисленных ораторов, произнесенные на спектакле в Мютюалите, носили политический характер, а совсем не религиозный. Ораторы старались доказать, что атеизм исключает возможность мирного сосуществования между Востоком и Западом. Но это уже старая песенка рыцарей холодной войны. Да, идеологического сосуществования быть не может. Но независимо от идеологической борьбы, можно и нужно обеспечить мирное сосуществование стран с различными политическими системами государственного управления. Так и только так, может быть поставлен вопрос.

Тот, который восстает против мирного сосуществования, как бы он ни был одет, толкает мир на путь международного напряжения, к термоядерной катастрофе. Всякий здравомыслящий человек сейчас понимает эту истину.

Иван Артемов

Обозреватель Агентства ТАСС.

21-го марта — ТАСС-Полемика.

Следует сперва указать причины этой полемики: несколько дней тому назад, некоторые французские газеты, как бы подчиняясь дирижерской палочке невидимого капельмейстера, затеяли антисоветскую кампанию, предлогом к которой послужила древняя

небылица о преследованиях в СССР людей за их религиозные убеждения. В этой злокачественной кампании газета «Ла Круа» проявила особенную ревность, достойную лучшего назначения.

По этому поводу, агентство ТАСС уже сообщило мои комментарии, где я указываю, до какой степени изобретения «Ла Круа» примитивны, и в которых я также объясняю, что несмотря на то, что в СССР атеизм является государственной доктриной и несмотря на то, что обширная пропаганда научного атеизма развивается в стране, советская конституция провозглашает и гарантирует свободу религиозных убеждений.

«Ла Круа» на это возразила пространной статьей: статья эта не ответила даже на одну десятую часть аргументов, представленных в моих комментариях. Выходит так, как будто эта газета просто не посмела их довести до сведения своих читателей.

Французские журналисты всегда были известны своим прекрасным мастерством. Некоторые из них находятся на очень высоком профессиональном уровне, даже в тех случаях, когда они хотят выдать белое за черное и наоборот. Этого нельзя сказать про сотрудников «Ла Круа». Вот факты: «Ла Круа» утверждает, что советское правительство запрещает детям от 6 до 18 лет ходить в Церковь. Французская колония, достаточно многочисленная в Москве, может свидетельствовать, что среди посетителей православных церквей (их около сорока в столице) имеются также дети. Такова первая ложь (будем называть вещи по существу). — «Ла Круа» затем утверждает, что параграф 227 уголовного советского кодекса делает практически невозможным крещение новорожденных детей. Это вторая ложь. Сотни тысяч детей крещены каждый год в церквях СССР, включая церкви Москвы. Ни один священнослужитель, и я это подчеркиваю, не был привлечен к суду за выполнение этого обряда. Что же касается упомянутого параграфа кодекса, то он относится исключительно к сектам, носящим фанатический характер, как например те, которые оскотпляют детей или подвергают их иным профанациям.

— «Ла Круа» еще утверждает, что советские административные органы закрывают внезапно церкви и предпочтительно ночью. Мы уже объяснили, что это никак не может соответствовать действительности. Если церковь должна быть закрыта, ввиду ветхости ее строения, а также в том случае, когда в той зоне, где церковь находится, будут производиться крупные строительные работы или гидравлические установки, то всегда требуется долгая процедура, которая часто длится несколько месяцев: необходимо иметь согласие верующих, соответствующие решения советов всех степеней,

начиная от сельсовета и кончая советом республики, и в конечном счете утверждение из Москвы.

Несмотря на это, газета «Ла Круа» упрямствует. Она ссылается на номер «Комсомольской Правды» от 10-го сентября прошлого года, в котором действительно было объявлено, что церковь села Станислава, Херсонской области на Украине, была неожиданно ночью закрыта. Но и тут «Ла Круа» обманывает своих читателей — церковь, о которой идет речь в «Комсомольской Правде», была закрыта вовсе не административными органами советской власти, а самим священником; закрыв церковь, он ночью покинул село, так как в приходе оставался всего лишь десяток верующих, все старики, и церковь перестала приносить доход. Это уже получается третья ложь газеты «Ла Круа».

Апостол Петр, поколебавшись, отрекся от Христа трижды. Клеветническая газета «Ла Круа», побуждаемая ненавистью, трижды сказала ложь.

Монтэн, будучи тонким философом, говорил: мало найдется людей, которые решились бы сказать откровенно то, о чем они тайно просят Бога. Это непосредственно относится к организаторам теперешней антисоветской кампании, которая проводится в Париже. Они из кожи лезут вон, чтобы «защитить» православных в Сов. Союзе, но это лишь дымовая завеса. На самом же деле, вся кампания преследует определенную политическую цель: вызвать ненависть верующих французов к Советам, ухудшить международные отношения и посеять раздор между французским и советским народом.

Иван Артемов,
Обозреватель Агентства ТАСС.

Николай АРСЕНЬЕВ

О ЕДИНЕНИИ ВО ХРИСТЕ

Вопросы о единении христианских Церквей, о внутренней реформе и внутреннем обновлении Католичества, о возвращении Протестантизма к преданиям древней Церкви, о роли Православной Церкви в этих стремлениях к единству христианского мира — являются вопросами величайшей важности и несомненно стоят в центре современных событий как факты первостепенного значения в духовной истории человечества. Но значение их еще возрастает на фоне основной проблемы духовной

судьбы мира: предоставлен ли этот мир самому себе, своему одиночеству, своему умиранию, своему отчаянию, своему уничтожению или: Бог сам вошел в мир, чтобы спасти мир, то-есть, то, о чем свидетельствует христианская благая весть? На фоне этого возрастает значение и современных попыток христианского единения между теми, кто веруют в спасение через пришедшего в мир Сына Божия — в отличие от тех, кто не приобрел еще к этой радостной уверенности, к этому победному ее радостному благовестию. Покойный Папа Иоанн XXIII как раз говорил, что главная цель его устремлений состоит в том, чтобы верующие в пришедшего в мир и спасающего мир Сына Божия совместно свидетельствовали об этом миру, потерявшему веру в Бога и страждущего в своем одиночестве, в своей духовной оставленности и что в результате этого совместного, обновленного через подвиг любви свидетельства миру о спасении мира через пришествие в мир Сына Божия не может не получиться и сближения и объединения христиан между собою.

*
**

Из тьмы в свет, из света в тьму: ибо жизнь человеческая подобна птичке, залетевшей случайно из окружающей темноты в освещенное, теплое помещение и опять через несколько мгновений улетающей в темноту наружу. Так, как известно, охарактеризовал человеческую жизнь язычник — англо-саксонский король в беседе с христианским миссионером в конце VI века. Простой неухоженный ум варвара нашел яркий и глубоко адекватный образ. Пришли... ушли. «И место его не познает его». «Все проходит, все — суета» (Екклезиаст).

Этот основной тон человеческой жизни настолько очевиден, что о нем много говорить не приходится. В том смысле религии, что она хочет внести некоторый свет в эту тьму, окружающую со всех сторон нашу жизнь. Христианское же благовестие делает больше: оно дает смысл и центр всему — и тьме этой и проблескам света, ибо оно говорит о Свете Истинном (τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν), который есть подлинный носитель, подлинная первооснова всякого бытия — не тьма, а именно Свет Истинный: «в Нем была жизнь и жизнь была Светом человеков» (Ио. гл. 1, ст. 4) — и который не только есть Безмерное Сияние преизбыточествующее Жизни, из которой все и через которую все, но и Центр для нашей преходящей жизни: Божественный Свет, Он же и Жизнь, снизошедший в на-

шу преходящестъ и давший ей смысл, и приобщивший ее к Вечной Жизни. Сострадание сошло в наше страдание и взяло на себя наше страдание, Бог стал страждущим человеком. И поэтому получился центр и смысл этого земного существования, которого до того не было (или был он, вернее, всегда — в тайне Божией), прорыв в Божественного в мир, прорыв, ставший освящением нашей жизни. Это так жизненно, так центрально и животрепещуще, что все другое в сравнении с этим теряет в значении. Страждущий Сын Божий, страждущий Бог, заполнил пропасть между миром и Богом. «Сын любви Его» (Колос. I, 13) — любовь Бог, не понимая еще ни смысла, ни значения, ни оправданности страдания, зная только, что это непонятное, смущающее нас, наши умы и души, находит свое освящение в безмерном страдании Сына Божия, облагородившего наше страдание и до глубины разделившего его с нами. И через это стало оно источником обновленной жизни.



Сравнительно с этим благовестие: о снисхождении ко мне и ко всем нам в мир состраждущей любви Божией — в Сыне Его ставшем человеком — даже до Креста и до величайших глубин страданий и оставленности, и об осуществленной Победе, сравнительно с этим благовестием — потрясающим, невероятным и неприемлемым для мирского рассудка и все же глубоко и фактически реальным и подлинным, все различия и оттенки мирозерцания внутри верующего христианина представляются второстепенным, более того — действительно являются второстепенными. До сих пор и в наше время тоже, несмотря на разделение среди христиан, сохранили свою силу эти слова ап. Павла в I Послании к Коринфянам: «Церкви Божией, находящейся в Коринфе... со всеми, призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, на всяком месте — у них и у нас! — благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа». Другими словами: все призывающие имя Господа нашего Иисуса Христа, то-есть признающие Иисуса Христа Божественным Владыкой своим, объединены в глубинах духовной жизни между собою, как соучастники в апостольском благовестии, как сопричастники благодати и мира, исходящих от Отца и Сына. Только поэтому можно говорить о необходимости осуществить единство между христианами, что в своей глубочайшей основе оно уже существует и только затемнено позднейшими разде-

лениями и расхождениями в вероучении, иногда весьма существенными, но не могущими окончательно подавить и уничтожить основное единство во Христе тех, кто признают и исповедует Его Владыкой и Господом, Единородным Сыном Божиим, Сыном любви Его (Кол.), «пришедшего в мир грешные спасти, из них же первый есмь я» (I Тим. I, 15). Основные глубины единения, несмотря на рознь христиан между собою — через признание ими Сына Божия своим божественным Спасителем и Господом и через благодатное общение с Ним, полагающее начало внутреннему перерождению человека, новой жизни во Христе — это единение, к сожалению, неполное и столь часто затемненное нашей греховностью и позднейшими отклонениями со стороны многих ветвей христианства от полноты и чистоты предания апостольского, это внутреннее единение между всеми, исповедующими Иисуса Христа божественным Господом своим, есть естественное и необходимое следствие нашего общения с нашим Владыкой и Господом и нашей жизни в Нем. Более того, это и является залогом возможности и более полного и совершенного единения между христианами и даже налагает на нас обязанность желать такого единения и стремиться его осуществить, при сохранении вместе с тем нашей полной верности чистоте и полноте апостольского предания, сохраненным в Церкви нашей.

Освятив страдание и смерть Своим присутствием и заполнив Собой, безмерным снисхождением любви Своей и безмерным послушанием Своим воле Отчей, пропасть между Богом и человеком, и победил смерть и силы зла, действующие в мире. В этом безмерном снисхождении и в этой победе Божией, раскрывшейся в воскресении Сына Божия — смысл и суть христианства. Верующие в это, имеющие это, питающиеся этим — наши братья. Уже сейчас, несмотря на рознь и на ряд заблуждений человеческих, и эта рознь и эти заблуждения и отход от апостольского предания должны быть преодолены для полноты церковного единения всех нас верующих и к этому должны мы стремиться. Итак верность полноте апостольского предания сохраненного в Церкви нашей и стремление к полноте истинного и подлинного единения между христианами, вот, что должно вдохновлять нас и предноситься нами в нашем участии в жизни Церкви Божией, в нашем служении Церкви Божией.

В нашем отношении в первую очередь, к католикам и Католической Церкви мы должны прежде всего всем сердцем откликнуться на призыв к любви и к взаимному прощению обид, нанесенных в течение многих веков друг другу. К взаимному проще-

нию нашей вражды, призыву, который исходил от Папы Иоанна XXIII-го и который с таким подъемом и вдохновенным жаром повторен был при открытии второй сессии II Ватиканского собора его преемником. Это первое. Второе: вдумчиво пересмотреть и взвесить все наши различия от католичества и отделить существенное от несущественного: чисто обрядового или культурно-психологического. Эти обрядовые и культурно-психологические различия, поскольку они не касаются самой веры и основ благочестия, существовали и в единой Церкви до ее разделения и могут продолжать существовать и во вновь объединенной Церкви. Это нужно знать и подчеркивать при наших встречах с другими христианами. Тем более веска и значительна будет в глазах наших инославных братьев невозможность для православных христиан, несмотря на все искреннее миролюбие и чувство христианского основного единства, признать некоторые положения католического учения, неприемлемые для нашей веры. В первую очередь думаю об учении о «непогрешимости» Папы, сформулированном в 1870 г. на первом Ватиканском Соборе (при сильном противодействии провозглашению этого догмата в среде самого католичества). Роль и авторитет римского епископа были очень велики в древней Церкви. С этим мы должны считаться, если мы хотим не закрывать глаз на предание нашего церковного прошлого, но учение о «непогрешимости» есть печальное и роковое и полное недоразумений, и глубоко неправильная юридизация этого высокого авторитета римской епископской кафедры в древней Церкви. Более того — это есть искажение истинного новозаветного учения о Церкви, мистическим основоположным камнем которой, дающим ей силу не быть преодоленной вратами Ада, является не апостол Петр, а Тот, Кто сказал: «на этом камне (Петре) Я создам Церковь Мою» и который по словам самого ап. Петра есть «Камень краеугольный, избранный, драгоценный, и верующие в Него не постыдятся» (Первое Послание Петра, 2, 5-7). Сам же Петр есть только камень — хотя и имеющий первое место и особый руководящий авторитет в том «основании апостолов и пророков, «причем краеугольный камень есть сам Иисус Христос» (выражение ап. Павла — Ефес. 2), на котором зиждется Церковь, значит не Петр — основа непогрешимости, а тот Основной, положенный во главу угла, тот мистический и незыблемый Камень, о котором говорит ап. Петр и который один только и дает незыблемость (Церкви) и который есть Христос. В глазах православного христианина формула I-го Ватиканского собора о непогрешимости Папы есть перенесение на одного

из руководящих апостолов, почтенного особым доверием Господа, черт принадлежащих, согласно нашей вере, только одному нашему Господу. Это невозможно с точки зрения нашей веры. Чем больше будет подчеркиваться — и реально ощущаться — наша любовь к нашим братьям католикам и к великой Западной Римско-католической Церкви, тем явственнее и убедительнее будет выступать перед глазами наших инославных братьев неприемлемость для нас этого неправильного в наших глазах, мистически необоснованного учения о непогрешимости епископа, являющегося преемником ап. Петра в Риме. Петр никогда не был и не мог быть мистическим основанием Церкви и исторической ее непоколебимости, не может поэтому быть этим и его преемник.

*
**

Оставляю пока эти очень важные, но все же второстепенные вопросы — второстепенные в сравнении с великим благовестием о спасении мира через пришествие в него Сына Божия. Здесь разделение духов, как уже во времена Иоанна Богослова. И об этом величайшем снисхождении Божиим призваны мы — все христиане — свидетельствовать страждущему и неверующему и мнящему себя оставленным в своем страдании миру. Из этой общей захваченностью нашей любовью Христовой (и любовь Христова объемлет нас — II Кор. 5, 24) рождается, несмотря на все трудности (а эти трудности требуют от всех нас величайшей честности и чувства ответственности и связанности нашей религиозной совестью) и объединение христиан. «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех» (Ефес. 4, 6). От нас требуется чистота, любовь и верность голосу религиозной совести нашей. Нехватающее восполнит Дух Божий, преображающий сердце и умы и всю духовную жизнь силою Своей и поднимающий нас над нашим собственным уровнем для роста духовного в Церкви.

Николай Арсеньев

XII-1963 г.

О СОБОРНОСТИ *)

Моя вера во Христа есть мое личное дело, дело моей свободной личности. Никто и ничто не могло бы меня заставить верить во Христа, если бы я этого не захотел, если бы моя личность этому противилась. Но если моя вера во Христа есть мое дело личное, то это вовсе не значит, что она есть дело частное.

Религия, всякая религия и в частности христианство, есть ведь коллективная, общественная, соборная. Если я во что-то верю, то это еще не есть «религия», а мое частное мнение, моя точка зрения. В «религии» же, в отношениях людей к Богу и Бога к людям, хотя и употребляется иногда не множественное, а единственное число (я, ты, мой, твой...), то это подразумевает всегда общечеловеческий смысл, общечеловеческое значение: «Аз есмь Бог твой...» это вовсе не значит, что Бог есть Бог только одного какого-то человека. Многие псалмы и молитвы употребляют единственное число («Господи, возвах к Тебе услыши мя!...» «Помощник мой и Покровитель!...»), но это вовсе не отнимает универсального значения этих молитв и псалмов, но говорит лишь о моем участии в общем деле, обо мне как о части целого.

И ветхозаветное слово «Израиль» и новозаветное слово «Церковь» суть понятия собирательные, коллективные. Хотя Бог и говорит к Израилю в единственном числе: «Я — Господь Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской». (Исх. XX, 2...), хотя Христос и говорит: «Создам Церковь Мою и врата адавы не одолеют ее». (Мт. XVI, 18) — тоже в единственном числе — но всем ясно, что под словами «Израиль» и «Церковь» понимается не один человек, а целая масса людей, составляющих некое единство.

И заповеди Божии, и Божественные откровения имеют универсальное, обще-человеческое значение и обращены ко всем. И каждый из нас, молясь Богу у себя в комнате, говорит все же: «Отче наш». (Мт. VI, 9). Перечтите Нагорную проповедь (Мт. V-VII), пересмотрите все Евангелие с его наставлениями, поучениями, притчами и словами и вы увидите, что оно обращено ко всем нам, ко всем людям.

*) Доклад, прочитанный на собрании при церкви Р.С.Х.Движения 17 ноября 1963.

На Страшном Суде Бог спросит не меня, а нас! А если и спросит меня, то я должен буду Ему рассказать не только про себя, а про нас, не о моем лишь самочувствии, о моих скорбях и радостях, а о моем отношении ко всем нам. (Вспомните притчу XXV главы из Матфея о Суде. Стих 32-й).

Всякий индивидуализм и персонализм допустим в христианстве лишь на фоне общечеловеческом, универсальном. Каждая неповторимая, свободная и бесценная человеческая личность существует в мире не одна, но лишь вместе со всеми. Поэтому «Я не могу спастись, если кто-нибудь в мире погибает!» — говорит Бердяев, такой персоналистический христианский философ.

Понятие — «Соборность» есть основное понятие православного учения о Церкви. Это потому, что соборность есть образ Святой Троицы. Бог есть Любовь.

И христианства нет без любви, без выхода из себя, из своего «его». Эту основную мысль нашей религиозности мы почерпаем из богословия: Бог, открывшийся в христианстве, не только не является самозамкнутой «Монадой» или магометанским «деспотом», а Он есть Пресвятая и Животворящая Троица, то-есть Любовь. Мало того — трехипостасный Бог не хочет ограничивать Себя своим Божеством, но выражает свою любовь во вне, за пределами своей Божественности и Он не только в Себе «Суший»-Иегова, но и «Творец». Бог творит человека, в человеке находит объект своей любви, своего «само-истощения» («кенозиса»). Не оставляя своего Божества, Он из Него выходит в свое творение и воплощается в человека. В этом непостижимая тайна любви Божией.

В Символе Веры мы читаем: «Верую во Едину, Святую, Апостольскую Церковь». Кроме этого мы исповедуем еще нашу веру в Церковь «СОБОРНУЮ».

Переводя слово «кафоликос» словом «соборная» (а не «все-ленская» или «универсальная»), русские переводчики привнесли в понятие церковности особую, характерную для Православия идею. Дело идет об отношении частного к общему. Есть в религии «Я» и есть «МЫ». Католический уклон заключается в преувеличении общего за счет частного. В католичестве Церковь, и особенно церковная иерархия, «церковь учащая», доминирует над мирянами, личное мнение которых должно стушевываться, замолкать, рискуя попасть в «index»!

В протестантизме, возмущенная таким отношением к себе личность мирянина, сознавая себя как часть «Царственного Священ-

ства», склонна перегибать в другую сторону, чрезмерно утверждает себя и готова вещать об Истине как бы «ex cathedra» в противовес римскому церковному этицизму и диктатуре. Православная церковная «соборность» есть идеальная гармония, при которой общее сотрудничает с частным. Соборность — по выражению Хомякова — есть единство во множестве. Отдельный христианин и вся Церковь представляют из себя симфонию и «син-эргию» (греч. слово «синэргия» означает содействие, сотрудничество) по образу синэргии двух природ во Христе, по образу БОГО-ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Согласно постановлениям IV-го и V-го Вселенских Соборов, две природы и две воли во Христе не уничтожают одна другую, не умаляют взаимной ценности, но гармонически соединены в Богочеловеке «неслитно», «непревращенно», «неразделимо». (Перевод А. В. Карташева).

Соборность пронизывает все бытие православного христианина, который должен быть собран в себе, должен вобрать в себя все находящееся вне его и в любви сочетать частное с общим.

Православная соборность должна начаться для человека со своей личной СОБРАННОСТИ.

Человек состоит из трех частей: духа, души и тела. (1 Фес. V, 23). Задача каждой человеческой личности заключается в гармонической жизни духа, души и тела. Предостережение стойков от чрезмерного уклонения в одну из трех сторон («пневматиков» — в сторону духа, «психиков» — в сторону душевности и «иликов» — в сторону тела) сохраняет свою ценность и для христиан. Христианин должен заботиться и развивать каждую из трех составных частей своего существа, чтобы они образовали гармоническое целое. Христианское «цело-мудрие», в полном смысле этого слова, есть мудрость христианина о целостном составе своей личности. Целомудренный христианин не должен пренебрегать ни своими телесными, ни своими душевными, ни своими духовными запросами. Чистый спиритуализм так же предосудителен для христианина как и чистый материализм или как чистая сентиментальность. Христианин призван быть в полную меру и «иликом» и «психиком» и «пневматиком» — в этом скажется его соборность по отношению к своей личности, т. е. собранность в себе.

Христианин не должен думать только о своем материальном благополучии. Он не должен и убивать («аннулировать», как буддист) своего тела. Христианину должен быть чужд сухой, «бескровный» морализм, но для него неприемлема и романтическая слез-

ливость. Православному христианину чужд пуританизм, монофизитский аскетизм, но он отворачивается и от разнузданности и плотугодия.

Во-вторых, соборность жизни для православного христианина есть **ВОБРАННОСТЬ В СЕБЯ** того, что открыто всей Церкви, всем людям. Для достижения этой вобранности человек должен выйти из себя, из своего «его», должен обратить внимание на окружающий мир, должен слушать и учиться.

«Познайте Истину...» — говорится в Евангелии. «Исследуйте Писания» — сказал Христос — они свидетельствуют о Мне» (Ис. V, 39). Первые христиане «постоянно пребывали в учении апостолов» (Де. II, 42). Христианскому крещению обязательно предшествует «оглашение», т. е. «катехизация» или научение и ознакомление человека с истинами веры.

Христианин, который не хочет учиться и узнавать, свидетельствует этим, что он фальшиво исповедует соборность Церкви, ибо соборность эта для него пустой звук и он вовсе не верит, что вокруг него еще кому-то и что-то открыто, чего он не знает сам.

Православный христианин должен постоянно изучать Слово Божие, историю церкви и историю религий и историю человеческой мысли вообще, поскольку границы церкви не определимы.

В наши дни, увы, есть еще много христиан, не желающих читать религиозную литературу! Такой принципиальный обскурантизм, часто оправдывающий себя словами Тертуллиана (кстати сказать, не им сказанные: «credo in absurdum», свидетельствует лишь о невежестве некоторых христиан... о незнании какого нам следует держаться духа. В наше время поразительного развития книгопечатания, позорным выглядит религиозное невежество верующих людей!

Тут, кстати, уместно сказать об одном взгляде на церковь некоторых русских людей. Есть люди, которые считают, что православная соборность исчерпывающе выражается в совместной молитве (в богослужении), в причастии святых Христовых Тайн, в храмовом благочестии и вообще в том или ином служении храму. Конечно, спора нет, истинны слова Христа: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них!» Верно, что евхаристические собрания являлись в истории (Де. II, 42, 46) и ныне являются необходимым признаком и стимулом соборной жизни, что в храме и в богослужении собрано, накопленное веками, богатство соборного Предания, верно что и иконопись и песнопения

и вся литургия и церковные обряды нас многому учат, во многом воспитывают и мистически соединяют.

Но нужно все же сказать, что посещением храма и храмовым благочестием вся религиозная жизнь христианина **не исчерпывается!** И вне храма идет жизнь христианина. Пред ним встают разные житейские проблемы и трудности. Из храма христианин входит в «мир», где не все свято и благолепно, где злаки перемешаны с плеведами, где не все благополучно и ясно, где требуется борьба, где нужны компромиссы, где не на все (как это казалось в храме) даны ответы, где не везде (как это чувствовалось в храме) царит дух мира и любви, а нужно проявление инициативы и творчества чтобы не заблудиться и не пойти по неверному пути...

Но выходя из храма, христианин вовсе не выходит из Церкви Христовой, из мистического, соборного общества людей. Жизнь в Церкви включает в себя больше того, чем живет христианин, пришедший в храм! Понятие Церкви шире понятия храма. И православная соборность, хотя частично проявляется и в храме, но огромное поле соборной деятельности находится за оградой храма. Перед взором, выходящего за эту ограду, раскрываются необъятные горизонты мира — объект христианского творчества.

Христос есть Спаситель. Весь мир, весь космос — Его творение — предназначен к своему преображению и возврату в лоно своего Творца (Рим. XI, 36), «дабы Бог был все во всем» (I Кор. XV, 28). Цель боговоплощения в том, чтобы — «все примирить и разрушить преграду между дальними и ближними». (Еф. II, 10-III) и создать одно тело, доколе «все мы придем в единство веры и познания Сына Божия». (Еф. IV, 14). Замысел Божий состоит в том «дабы посредством Христа примирить с Собою **все**, умиротворив через Него, кровью креста Его, и земное и небесное». (Кол. I, 20). На литургии мы молимся словами Златоуста о том, чтобы Бог охранял и способствовал наполнению Церкви всеми людьми. (Замвонная молитва). Поэтому задача православной соборности есть задача космическая.

Православный человек, исповедующий соборность, интересуется всем, что делается в мире, он все переживает как свое, он сочувствует страждущим, он радуется с радующимися, он хочет знать все и во всем участвовать, нет ничего в мире, что было бы ему чуждо и неинтересно, ибо мир есть единый организм, созданный Единым Творцом. Весь мир, для православного человека, исповедующего соборность, входит в поле зрения человека, является его объектом. Человек, как выражаются богословы, есть «микро-

косм», т. е. стяженный мир. Человек — Адам как бы содержит в себе весь мир. Человек в себе переживает и осмысливает все состояния мира, всю его историю.

Православному человеку должна быть известна история мира и история человека — это **его** история, его биография!

Человеку, исповедующему соборность, нужно быть универсально образованным, человеком интересующимся **всем**. Хотя всего мы знать не можем, но можем к этому стремиться, можем постоянно осведомляться и узнавать, можем ко всему быть внимательны.

Многочисленны пути для нашего осведомления, и книги и школы и радио и газеты и журналы и письма и театр... Но самым живым и испытанным способом общения и ознакомления с людьми есть встреча друг с другом — беседа, собрания, съезды, соборы!...

Православным людям, исповедующим соборность, необходимо встречаться, спрашивать, говорить, обсуждать, спорить, совместно решать, опровергать, соглашаться, узнавать, критиковать, поощрять, слушать друг друга, открывать себя, стараться понять...

Можно категорически утверждать, что если у человека нет желания, нет потребности встречаться с людьми (в первую очередь со своими единоверцами и единомышленниками, с членами своего Прихода), то это признак того, что у этого человека чувство соборности спит или атрофировано, или в параличе.

Православная, восточная церковь переживает, конечно, период болезни, что с VIII-го века не собирается больше на Вселенские Соборы! Мне скажут, что это в силу исторических причин, из-за нашествия арабов и турок... Но если нельзя созвать Собора, то почему бы православным не поддерживать связи друг с другом иначе — через письма, послания и т. д.?! Знаем ли мы о том, что делается в православных странах — в Болгарии, в Греции, в Сербии, в Румынии...? Знакомы ли нам мысли наших братьев самых близких нам по вере? Существует ли у нас общение с православными рассеянными по миру? Принимаем ли мы близко к сердцу то, чем живут прихожане нашего Прихода? Нам многое не ведомо о том, что думает Православная Церковь о новых идеях, появившихся в мире со времени последнего (VII-го) Вселенского Собора, а за это время появилось масса новых богословских и экзегетических и философских проблем! Как должен на них ответить православный человек? За последнее время людей волнуют проблемы социальные, государственные, политические. Что о них должно

думать православному христианину? — или же нужно считать вполне нормальным, чтобы каждый православный имел лишь свое личное мнение, а никакого соборного единомыслия быть и не может — ибо все в мире относительно и условно?!

Мы, в эмиграции юрисдикционно раздираемся по вопросу отношения Церкви и Государства... Нормально ли это? Можно ли как-нибудь нас примирить и установить какое-нибудь «соборное» решение?

В наш век многих тревожит вопрос отношения науки и религии. Многие болеющие этим вопросом отходят от веры... Основательно ли это? В чем дело? Кто это разъясняет?

Окружающая нас жизнь, наши дети, наши семьи, наши браки, вся наша деятельность в миру ежедневно ставит перед нами проблемы, на которые мы отвечаем «как Бог на душу положит!», совсем не думая, соответствует ли это духу Православной Церкви!

Мы живем в эпоху Экуменического Движения и совсем не знаем хорошее ли это дело или плохое, и что об этом Движении думает наша Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь! Мы видим вокруг нас изменения жизни, какую-то эволюцию и что-то новое. Наши дети утверждают что-то иное, чем утверждали мы... А что мы думаем о целибате, о монашестве, о деньгах, о банках, о расизме, о церковной музыке, об атомной энергии...? Есть ли, может ли быть православный, соборный ответ на все эти мучащие нас жизненные проблемы? Нужно регулярно собираться на Соборы, на Съезды, на Епархиальные и Приходские Собрания, в Братства, Сестричества, Кружки... Нельзя молчать! Нельзя думать лишь про себя! В Церкви христианам необходимо иметь «единомыслие между собою... дабы единодушно, едиными устами славить Бога. (Рим. XII, 16; XV, 5; II Кор. XIII, 11; Фил. I, 27; II, 2; Петр. III, 8; Еф. IV, 3-6).

Прощ. А. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

«ОТ НИХ ЖЕ ПЕРВЫЙ ЕСМЬ АЗ»

(1 Тим. 1, 15-17; Лук. 13, 36-5).

Слова, читанных сегодня Апостола и Евангелия, побуждают нас задуматься о столь знакомых нам с детства словах: «Ты еси воистину Христос, Сын Божий — пришедший в мир грешные спасти, от них же первый есмь аз».

Действительно, ап. Павел говорит нам сегодня: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый». Из этого текста и заимствованы вышеприведенные слова молитвы перед причащением.

С этими словами нельзя не связать и текста только что слышанного нами Евангелия, где повествуется об исцелении слепого, который, прозрев по слову Господа, тотчас пошел за Ним, славя Бога.

Это повествование, как и все прочие, где в Евангелии говорится об исцелении слепых, вполне подтверждает Церковное убеждение, что прозрение телесное это — образ прозрения духовного и призыв к нему. К тому же, в отмеченных в Евангелии случаях, исцеление очей сопровождается прозрением духовным. Так было и со св. ап. Павлом, который был даже нарочно ослеплен Самим Господом перед окончательным своим прозрением духовным. Подобное было и с князем Владимиром.

Это есть одновременное и взаимно обусловленное узрение, как света Божественной благодати, так и своей темной греховности.

Пусть хотя бы только самый тонкий луч Христова света, как сквозь шелку, проникнет в нашу темную душу, как начинается покаяние. Но как только мы начинаем чувствовать свою темноту, мы начинаем все лучше и лучше понимать, насколько спасителен для нас даже самый Божественный луч. И чем более озаряет нас этот свет, тем сильнее мы чувствуем свою темноту, а чем сильнее чувствуем ее, тем больше проникает к нам Божественный свет.

Предел же нашего прозрения духовного и заключается в словах, что среди грешников первый это — я, «первый есмь аз».

Святые так о себе и думали, конечно, вполне искренне. Нам же обычно почти неловко произносить эти слова. Если не всегда

сознательно, то подсознательно мы часто думаем: «Ну, разве я уж самый первый грешник? Ведь я не убил, не крал, не оболгал кого-либо и т. д.?»

Многие с подобного самооправдания начинают свою исповедь.

Ошибка здесь в том, что мы ставим себя на место других, в особенности каких-либо явных грешников, иногда преступников, и нам кажется, что на их месте мы бы не сделали, что делают они, и что, во всяком случае, мы не хуже их. Нам же не надо ставить себя на место других, нельзя убежать от себя, а надо смело глядеть на самого себя. А на собственное место следует почаще ставить других людей, хороших друзей, святых, а лучше всего Самого Христа.

В этом последнем случае станет с очевидностью ясно, что Он никогда бы не сделал того, что бывает у нас и ни на секунду не стал бы думать о том, о чем мы нередко с упорством думаем и мечтаем.

Поставить мысленно на свое место Господа, это — одно из лучших средств, чтобы, говоря о грешниках, без неловкости и вполне искренне сказать: «от них же первый есмь аз».

Но есть и другой путь — это быть внимательным к бесконечному милосердию Божию. Церковь почти только это и делает в своих литургических молитвах, напоминая о всех Божиих благодеяниях, начиная с сотворения мира и кончая смертью, воскресением, вознесением Господа и ниспосланием нам Святого Духа, Жиздителя Церкви.

Если вникнуть в это промыслительное милосердие Божие, можно растаять в пламени благодарности к Богу, в благодарении, которое понудит нас без остатка и без оглядки отдаться в благие руки Отца и принести Ему себя самих в дар благодарения.

Таким благодарением должна быть Литургия; недаром самое слово Евхаристия означает благодарение, благодарение, конечно, всецелое и совершенное.

Если, все же, нам трудно сделать вполне своими слова литургических молитв, то вполне законно подумать «о благодеяниях на нас бывших», о том, что именно Бог сделал и делает лично для каждого из нас. И тогда нельзя не понять, что каждый из нас поставлен в самые благоприятные условия спасения в нашем попорченном грехом мире, и что если мы их не умеем использовать, то можно винить в этом только себя.

Действительно, Господь любит всех самой совершенной любовью, иначе говоря, всегда и неизменно желает каждому из нас

всего самого наилучшего, т. е. хочет нас сделать близкими Себе, Себе подобными, исполненными любви, света и несказанной радости.

Поэтому каждого из нас Бог не может не ставить в условия, наилучшие для Своей цели, т. е. для нашего спасения. Если бы это было иначе, Бог просто не был бы Богом.

А если это так, а иначе и быть не может, то каждый из нас, в данных ему условиях, несомненно, самый великий грешник. Так как, несмотря на самые лучшие условия для просветления, для обожения — остался и остается — в лучшем случае — трусливым, сереньким, боязливым, колеблющимся.

Нам может показаться, что сереньким быть еще не плохо, только бы не быть черным. Но серенький перед светом Лица Божия и есть черный, причерный.

Чтобы еще глубже убедиться в своем недостойнстве, вспомним хотя бы некоторые благоприятные условия, в которые большинство из нас поставлено.

Мы все почти родились в христианской семье, с малого возраста имеем благодатные дары крещения и миропомазания. Мы все почти имели и имеем немало возможностей поучаться Слову Божию. Все мы включены в Церковь, находимся в христианских странах, где на всей культуре лежит Христова печать. Печать эта явно видна на многих произведениях европейского искусства, в особенности на книгах русской литературы. Большею частью мы с детства окружены добрыми людьми. Нередко на пути нашем попадаются праведники, а страна наша вся освящена явлением святых людей, да каких святых!

Храмы Божии обычно находятся недалеко от наших жилищ, а в храмах все источает благодатную силу. Очень многие из нас пережили жестокие войны, революцию, изгнание — и все-таки чудом уцелели... Для чего? Для того, конечно, чтобы восславить и возблагодарить Бога и служить Ему и ближним, для того, чтобы стать источниками Света, носителями Христова просвещения...

А мы, а мы? Не каждый ли день мы зарываем свои даром полученные таланты?

Если мы все это поймем, так ли будет действительно трудным, думая о грешниках, сказать: «от них же первый есмь аз»? И сказать это необходимо от всего сердца, не для того, конечно, чтобы опустить в бессилии руки, а для того, чтобы воспрянуть и двинуться смело за Господом, как исцеленный слепой, который прозрев, тотчас пошел за Ним, славя Бога.

ЧЕТЫРЕХСОТЛЕТИЕ ШЕКСПИРА

Скамьи под открытым небом, три яруса крытых галлерей, подмостки с несменяемой декорацией в глубине, изображающей фасад неопределенного здания, снабженного башенкой и балконом, а в некотором отдалении от того, что мы называем рампой — ее нет: играют днем — небольшая, с отдельным занавесом эстрада, куда по временам переходит действие. Деревянный театр всегда полон. Перед каждым зрителем кривляется шут; расфурчанный лицедей произносит трескучую тираду. Сегодня идет «Тит Андроник», где под конец, в десяти стихах, совершаются четыре убийства и королеве Тамаре подают на блюде запеченные в тесто головы ее детей. Рукоплескания гремят. Кровопролитней зрелища не бывало со времен «Испанской трагедии» Киды, и сочинил его не опытный литератор, а еще неискушенный молодой актер.

К 1592-му году о нем кое-что уже прослышали в печати. Роберт Грин, плодовитый драматург и романист, которому тогда всего несколько месяцев оставалось жить, тиснул злобную брошюрку с жалобой друзьям, таким же как он скорописцам, то удачливым, то нищим, на «нивесть откуда взявшегося ворона, уже щеголяющего в наших перьях и вообразившего, что он единственный потрясатель сцены (шек-син) во всей стране».

Актер, о котором говорится в памфлете Грина, уже перестает писать ходульные мелодрамы и громоздкие исторические действия. В ближайшие годы сыграют на тех же подмостках «Ромео и Джульетту», «Венецианского купца», «Сон в летнюю ночь»... Нынче ему двадцать восемь лет. Пять лет как он в Лондоне, а до того жил в Стратфорде, где оставил семью и куда навещается теперь нечасто. Там, в этом сельском городке, уютном, у тихой речки, все живет еще — только дела его пошли хуже с недавних пор — Джон Шекспир, человек зажиточный и в округе известный, торговавший издавна хлебом, солодом, шерстью, шкурами и мясом. Он даже был одно время мэром города, и женился на девушке из мелкопоместной дворянской семьи. Родилась у него дочь, потом другая; обе умерли. В конце апреля 1564-го

года (думают: 23-го, потому что крещен был он 26-го) родился сын Вильям, затем и другие сыновья.

Детство провел маленький Вилль в полях и рощах под Стратфордом; в стратфордской школе учился, и повидимому не доучился. Почитатель и соперник его, Бен Джонсон, превосходный латинист, сказал о нем, что по-латыни знал он не много, а по-гречески и того меньше; кое-что, значит, хотя бы по-латыни, все же знал. Восемнадцати лет женился на девушке, которая была на восемь лет его старше; похоже, что «покрывал грех»: дочь его Сусанна родилась через шесть месяцев после свадьбы. Два года спустя жена родила ему двойню: сына Гамнета (английский вариант имени Гамлет) и дочь Юдифь. Вскоре он покинул Стратфорд и по семье, можно думать, не очень тосковал. Впрочем, о чувствах его ничего мы не знаем, и обо всей дальнейшей его жизни тоже в сущности ничего. Знаем только, что впереди была сцена, была слава (хоть и не очень громкая при жизни), было все его творчество, был Шекспир, тот Шекспир, чей день рождения, через четыреста лет, празднуют нынче во всем мире.

В отличие от Гете или от Данте, личность его не становится нам видимой в его творениях, а помимо творений нам и вообще не в чем ее уловить. Зато мощь, широта и глубокая человечность этих творений таковы, что они всякого могут захватить, напитать и помочь ему стать личностью. Нет Шекспиру границ, ни во времени, ни в пространстве. Это знал уже Гете, это знал у нас Пушкин, чей «Борис Годунов» и «Скупой рыцарь» без Шекспира были бы немислимы. Это знали наши переводчики его, от неуклюжего милого герценовского друга Губера до Пастернака, давшего нам лучший перевод его трагедий. Это знает, об этом говорит сейчас весь мир. Пока жив человек, пока совесть в нем жива — потому что о ней, от «Тита Андроника» до «Бури», только о ней, в глубине, все бушует и рыдает и поет — не обойтись ему, не прожить ему на свете без Шекспира.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ШАРЛЯ ПЕГИ

Мы изумляемся тонкостью французской культуры, мы любимся изяществом французской мысли, литературы, искусства, но в большинстве случаев мы воспринимаем их, как нечто — если не чужое, — то во всяком случае как «не наше». [Я говорю, конечно, про людей своего поколения, взгляды и вкусы которых сложились еще в России]. Но среди духовных сокровищ Франции имеются и такие, которые не отделены от нас чуждой нам «остротой галльского смысла» [который, вопреки Блоку, до конца нам недоступен] и воспринимаются нами как свои, родные, почти как русские. Таково творчество Пеги, таков он сам. Это мое впечатление я проверил таким острым реактивом, как суждение о Сергии Булгакова: прочитав Мистерию Жанны д'Арк, он вернул мне книгу со словами: «французский славянофил». Этот парадокс удивительно глубоко определяет природу Пеги. Ибо, подобно славянофилам, широта его есть результат его глубины; его вселенскость вырастает из его связи с родной землей; его всечеловечность — из его бездонно глубокого и вместе возвышенного понимания Франции.

Автор лучшей книги о Пеги Андрэ Руссо озаглавил свой трехтомный труд «Пророк Пеги». Это слово «пророк» употреблено им в его буквальном смысле. Для того, чтобы оправдать такую оценку Пеги он обратился за справкой [о том, что такое пророк] к исследованиям Иерусалимской библейской школы. И нашел там следующее определение: пророк — это тот, кто говорит вместо другого, кто его замещает и представляет. В данном случае тот, кто говорит от имени Бога, кто возвещает Божию волю, Божию мысль. Это дерзновение свойственно Пеги. Мы постоянно встречаем перед первой строкой его поэм слова: «Вот что говорит Бог» (Мистерия порога второй добродетели, Мистерия невинных младенцев); «Иисус говорит» (Эва). Можно, конечно, поставить себе вопрос, не является ли это литературным приемом, дерзал ли Пеги действительно говорить от имени Бога? В известном смысле, вероятно, да. В книге «Письма и беседы Пеги» его друг и наперсник Жозеф Лотт приводит следующие его слова: «... мое повествование о страстях! Дорогой мой, я совсем об этом не думал. Это нашло на меня во время правки корректур и владело мною в те-

чение целых восьми дней. Такие слова — словно диктовка (стр. 137)... вся моя жизнь — ставка и риск: ведь я живу без таинств, мои дети не крещены 1). Но мне даны сокровища благодати, невероятные богатства благодати. Я следую указаниям, никогда не надо противиться указаниям... (следует описание его паломничества в Шартр). ... Вся нечистота была с души смыта. Я стал другим человеком... Я молился в соборе час в субботу вечером и час в воскресенье перед утренней мессой. На мессу я не остался: боялся толпы. Но я молился так, как никогда. Я мог молиться за своих врагов; а раньше со мной этого никогда не случилось. Но жизнь моя все-таки остается ставкой и риском. Никто не пророк в своем отечестве. Но у меня — мое служение и огромная ответственность. Ведь по существу через меня происходит возрождение католичества. Нужно это видеть и крепко стоять на своем посту... Я грешник; я не святой. Святость — она видна издали. Нет, я не святой; я — грешник, хороший грешник. Я — рядовой прихожанин, но мне даны сокровища благодати и удивительный ангел хранитель. Мне неоднократно приходилось принимать решения, я был готов ко всем жертвам. Но вот: когда беда казалась неминуемой, и я ее внутренне принимал, мой ангел хранитель просто ее отстранял. И я воскресал» (стр. 159) 2).

Пеги был пророком и до своего обращения к вере. Но в этот период его жизни голос Бога [в Которого он не верил] звучал для него голосом совести, которому он подчинялся безусловно, безкомпромисно, безапелляционно.

Социализм его питался страстной жадью правды, и в своей горячей полемике, в своей политической борьбе он неизменно «творил дело законное, написанное в сердце его» (Римл. 2-15), служа невидимому Богу, Которого он на 35 году своей жизни узрел и Которому всей душой отдался.

Поэтому все его творчество: стихи, проза, поэмы, мистерии, драмы, полемика, критика, философия — должно быть понимаемо, как религиозное служение — единое и органическое, несмотря на кажущуюся пестроту.

В этом отношении мы должны следовать заветам его учителя Бергсона, который учил, что целое предшествует своим ча-

1) Пеги не мог причащаться, потому что был венчан гражданским браком. Жена его была неверующей, а он настолько уважал свободу, что не хотел оказывать на нее никакого давления. «Мои мысли — долгосрочный кредит», говорил он; и он оказался прав: вся его семья пришла к вере. Но в те годы уважение к свободе совести жены стоило ему дружбы Жака Маритэна: они из-за этого разошлись.

2) Charles Péguy. Lettres et Entretiens.

стям, слово может быть понято только исходя из смысла фразы, в которой оно занимает свое место, что каждая буква получает свое значение только в контексте других букв, входящих в состав слова.

Поэтому прежде чем говорить о темах Пеги необходимо найти тот источник света, который их освещает. Лучшим ответом на этот вопрос являются слова тропаря Рождеству: «Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия миру свет разума»... Пеги недаром называют поэтом воплощения: это относится одинаково и к его религии (ср. его удивительное описание Вифлеемских яслей (в Еве), и к его антропологии (об основной теме которой можно сказать словами Вл. Соловьева : «и Слово вновь в душе твоей родилось, рожденное под яслями давно») и к его философии природы, в которой все живет, трепещет, воплощая в земных формах высший смысл...

Но религиозное ведение может иметь двойкий эффект: свет разума может являть красоту, но он же может обличать безобразия. И в словах пророков мы встречаем обе эти тенденции, связанные, очевидно, с теми индивидуальными дарами, которыми они обладали. «Утешайте, утешайте народ Мой», говорит Господь (Ис. 14-18). Но рядом с этими словами утешения мы читаем грозные обличения, разоблачения пороков, слова осуждения и отвержения... Недаром же Лермонтов писал:

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока...

Исходя из факта этого двойного зрения и перенося его из области пророческого ведения в сферу человеческой мысли, человеческого восприятия мира и человеческих оценок, мы должны вспомнить глубокую мысль Б. П. Вышеславцева о том, что перед человеком открыты два пути: путь сублимации и путь профанации. Первый — это видение «первообразной доброты зрака» 3) — того совершенства творений, о котором в книге Бытия шесть раз повторено «и увидел Бог, что это хорошо». Это изначальное добро мира часто невидимо нам, ибо оно покрыто плотным слоем греха, грязи и безобразия; но оно есть, и вера в то, что оно есть дает смысл жизни, превращает голое существование в вдох-

3) Из службы Преображения Господня.

новенный труд, в сотрудничество с Творцом. Сублимация не есть сентиментальное восприятие мира; она трезва и реалистична; но именно вследствие этого она не ограничивается близоруким видением поверхности вещей, но проникает и возвещает их глубину, их суть, их призвание. А профанация не только не видит смысла и красоты, но унижает их, обедняет и обесценивает. «Если говорится, что нет великого человека для его лакея, или лучше, что нет героя для его лакея, то ведь на то один из них — герой, а другой — лакей» 4).

С этой точки зрения можно сказать, что вся поэзия Пеги проникнута гениальной сублимацией всех форм жизни. К чему бы он ни обращался: к человеческой истории и к человеческому труду, к страданию и к жертве, к героизму и к подвижничеству — к великому и к малому — он всегда и везде видит их внутренний смысл, красоту и благородство. Последнее слово является ключом ко всему его творчеству: «поэт благородства» озаглавлен второй том вышеупомянутой работы Руссо. Для Пеги нет ничего презренного; он как никто умеет показать (и воспеть) внутреннее благородство труда (крестьянина, рабочего, ученого, ремесленника), смысл высокого служения женщины (матери, жены, сестры), святость детства, самоотверженную жертвенность юности. Но все это — не идеализация, а именно сублимация, не возвеличение посредственности, а выявление того, что велико в себе, но закрыто от нас своей обыденностью и обычностью.

Перечислять его темы и излагать его мысли не нужно: поэзию нельзя рассказывать. Пеги надо читать и перечитывать, не смущаясь его бесконечными повторениями и частыми длинотами. Я думаю, что быть верным Пеги означает, что мы должны сублимировать и его творчество: видеть в нем то, что он искал, к чему стремился, опуская некоторую невыработанность и поспешность в изложении того, от полноты чего разрывалось его сердце...

Сублимация предполагает устремление вглубь. В своих пределах она ведет через философское постижение к религиозному ведению. И в Пеги живы не только деятель, проповедник, борец, но и глубокий мыслитель и мистик. В области философии он — восторженный ученик и творческий продолжатель Бергсона. В трудах последнего содержится гораздо больше того, что в них высказано. Бергсон при всей своей гениальности был связан формальными требованиями так называемой научности, и многое из того, чем богаты его книги, скорее угадывается, чем прочитывается.

4) Свящ. Павел Флоренский. Столп и утверждение Истины, стр. 437.

ся. Пеги глубоко воспринял его умение «схватывать настоящее, вгрызаться в реальность», которая стоит за его словами и побуждает нас к выходу за пределы его мысли; в область тех «огромных масс, тех огромных сил, тех огромных миров, которые нас окружают; тех давящих, толкающих, гнетущих сил, которые находятся около нас, всегда готовых вырваться на свободу для завоевания и овладения всем миром» 5).

Пеги чужда умеренность и осмотрительность Бергсона. Читая его взволнованные слова вспоминаешь стихи Андрея Белого о том, что

огромные миры в атомных силах не утихли;
что мысль как динамит летит
смелей, прикидчивей и прытче,
что новый опт... мир взлетит
сказал взрываясь Фридрих Ницше... 6).

*
**

Такое впечатление должны были производить на политиканствующих друзей и современников Пеги его лозунги, вроде

«революция будет духовной, или ее вообще не будет»,

напечатанного заглавными буквами на обложке его журнала; или его предостережения (по поводу осуждения Дрейфуса):

«один несправедливый приговор может осквернить всю Францию»...

Но это относится к его личности. А по содержанию, следуя Бергсону, он обращается к вечным темам о жизни, о рождении, об эволюции. Но все это он воспринимает религиозно. Жизнь начинается с любви и движется нежностью. «Всякое отчество на небеси и на земли именуется от Отца Господа нашего Иисуса Христа» (Еф. 3-15) и всякий отец есть образ Отца Небесного. Эволюция есть не процесс, а сама конкретная жизнь и история, которая имеет начало и конец и свою вершину — в горе Голгофе... Можно сказать, что вся философия Бергсона (которому Пеги пропел восторженный гимн в посвященной ему книге 7) переложена им в религиозный ключ и является новым откровением о мысли, как форме жизни в Боге. Отсюда его непримиримость в отноше-

5) Note conjointe, p. 300.

6) Первое свидание, стр. 15.

7) Note conjointe.

нии религиозных систем, его полемика с томистами, его борьба против духовной регламентации и рабства.

Было бы однако неверно думать, что Пеги в этом вопросе ограничивается планом морально-полемическим. Свобода [так же как и рабство] являются для него онтологическими реальностями [так же как для Якова Беме и Н. А. Бердяева] и завиты в самую сущность временного бытия. Свобода — это жизнь, изменение, творчество, новизна, настоящее. Рабство — это косность, неподвижность, повторяемость, однообразие, обыденность, прошлое, которое претендует быть настоящим: «есть нечто худшее, чем дурная мысль — это мысль готовая; есть нечто худшее, чем нечистивая душа — это душа привыкшая»... говорит Пеги. Поэтому главный враг жизни — смерть, не только грозит человеку извне: он носит ее в себе, она скрыта в том изнашивании, в той усталости, которые несет в себе время...

В этом мироощущении Пеги расходится со своим учителем: «Бергсоновское время ничего не снашивает, [буквально — ничего не стирает]; как могло бы оно разрушать что бы то ни было, раз оно есть состояние всего? Бергсоновское время не причиняет боли, в нем чувствуешь себя хорошо [то же мироощущение в философии Тейара де Шарден]. Для Пеги же время все убивает: оно сводит на нет не только радость, но даже грусть, оно все уравнивает своим серпом и это равенство означает равнодушие, привычку, забвение»... 8). Поэтому надежда [сверхразумная] и спасение [чудесное] являются для Пеги не только основным, но единственным светом и смыслом жизни. Во всем его творчестве нет более проникновенных страниц, чем те, которые посвящены «маленькой девочке Надежде: на нее никто не обращает внимания, она незаметна рядом со своими старшими сестрами (Верой и Любовью), но без нее вся жизнь — сухое дерево годное только для огня...

1 августа 1914 г. Пеги был призван под знамена: в тот час, в ту минуту, когда он дописывал одну из самых интересных своих страниц (о различии католиков и протестантов). Страница эта и даже фраза остались незаконченными. И жизнь Пеги оборвалась так же преждевременно, как его последняя книга.

О его последних днях мы знаем из его писем с фронта и из воспоминаний Шарля Бурдон — солдата 276 пехотного полка, сражавшегося рядом с командиром своего взвода — лейтенантом Пеги.

8) Jean Animus. Péguy et le Mystère de l'histoire, p. 91.

«Пеги ушел на войну с чистым сердцем... 17 августа он писал своему другу Андре Буржуа: «если я не вернусь, сохрани верность нашей дружбе, но без траура. Я живу в восторге от того, что покинул Париж с чистым сердцем. Двадцать лет накипи и грязи были смыты в одно мгновение»... Пеги ушел на войну радостным; но он был свободен от какой бы то ни было экзальтации; в нем не было ничего болезненного и беспокойного; он был чужд какой бы то ни было воинственности и не жаждал ни войны, ни смерти; в душе его была большая радость и глубокий мир. Слово мир постоянно повторяется в его письмах: «я хотел бы, чтобы у вас был такой же глубокий мир, какой царит у нас здесь (8 августа г-же Фавр); «живи в мире, как мы» (7 августа жене). По словам Бурдон он был спокоен, тверд, внимателен ко всем житейским мелочам, заботился о морали солдат, возмущался вместе с ними глупостью штабов и ложью информации; но в общем — весел, полон надежд и невероятно закален и вынослив физически: он свободно совершал переходы в 50 километров после пятичасового ночного сна. А когда пришел день сраженья, он делал это просто, хотя был героем. Он умер во время атаки. Он не хотел лечь. Только смерть вернула его земле 9).

Последние дни своей жизни он много молился. Его товарищ по полку Казимир Перье сообщает, что предпоследнюю ночь своей жизни (3 сентября во время этапа в Монмелиан) он провел украшая цветами статую Богоматери в местной церкви.

В своей Эве он предсказал свою смерть:

счастлив тот, кто пал в великой битве
и лежит на земле пред лицом Бога.
счастлив тот, кто пал в правой войне,
и вернулся в первозданную глину, в родную землю...

Пеги похоронен в братской могиле в Виллеруа. Каждый год в день его смерти Амигье Шарль Пеги, в состав которого входят самые разнообразные почитатели Пеги — французы и не-французы, католики и социалисты — совершает паломничество на его могилу и молится об упокоении этого удивительного сына Франции, своею жизнью и своим творчеством доказавшего, что рыцарем можно быть и в наше смутное время, что Св. Женевиева, Св. Людовик, Св. Жанна являются не только историческими воспоминаниями, но живыми участниками нашей жизни, вдохновителями тех, кто умеет их любить и почитать.

9) Bernard Guyon. Péguy, p. 269-271.

Из литературного наследия ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В связи с 25-летием со дня его смерти

(27-го декабря 1938 г.)

Еще не так давно Осип Манделъштам был поэтом для немногих. Теперь же, 25 лет после своей мученической кончины в концентрационном пересыльном лагере, вопреки засовам и запретам, Манделъштам постепенно вырастает в «всероссийского поэта» (пророческое выражение Марины Цветаевой), превращается в легенду. Перефразируя самого Манделъштама, можно сказать, что он принадлежит к тем, чья «личность, умирая, расширилась до символа целого народа». В России стихи его ходят в рукописях и ценятся на вес золота, ими зачитывается русская молодежь, об авторе, о его трагической судьбе, слагаются стихи. Как-то, в одном из своих стихотворений, посвященных террору, Манделъштам обмолвился: «от меня будет миру светло». Свет его «божественной гармонии» (Ахматова), свет его мужества и мученичества, свет его христианского мироощущения, из глубины России, разливается по миру.

Ниже мы печатаем несколько мало известных или неизданных произведений Манделъштама, рисующих его христианский облик. В ближайшем будущем, под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, выйдет двухтомное посильно полное собрание сочинений Манделъштама, в которое войдет не только свыше 150 новых стихотворений 30-х годов, но и довольно много ранних, отысканных в редких изданиях, а также две новонайденные книжки стихов для детей и ряд переводов.

Ред.



Печатаемое ниже стихотворение Осипа Манделъштама, предоставленное нам отыскавшим его проф. Г. П. Струве, было напечатано в одной из продолжавших еще выходить до лета 1918 г. антибольшевицких газет («Страна», № 71, 21 апреля — н. ст. — 1918 г.) и, насколько нам известно, никогда не воспроизводилось. Оно отображает интерес, проявленный О. Манделъштамом к Всероссийскому Церковному Собору 1917-1918 г.г.

Кто знает, может быть, нехватит мне свечи,
И среди бела дня останусь я в ночи,
И, зернами дыша рассыпанного мака,
На голову мою надену митру мрака:

Как поздний патриарх в разрушенной Москве,
Неосвященный мир неся на голове,
Чреватый слепотой и муками раздора,
Как Тихон, — ставленник последнего собора.

Следующие три стихотворения, пересланные нам непосредственно из России, относятся ко времени ссылки поэта (апрель 1935-май 1937).

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственный земли,
Чего добились вы, блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять Вы не могли.

**

Эта, какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова!
Как ее не вывертывай
Криво звучит, а не прямо.

Мало в ней было линейного
Нрава он был не лилейного,
И потому эта улица,
Или верней, эта яма —
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРА

Небо вечера в стену влюбилось,
Все изрублено светом рубцов —
Провалилось в нее, отразилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Вот оно это небо ночное,
Пред которым как мальчик стою, —
Холодеет спина, очи ноют,
Стенобитную твердь я ловлю.

И под каждым ударом тарана
Осыпаются звезды без глаз, —
Той же вечери новые раны,
Неоконченной росписи мгла.

9 марта 1937.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

ПУШКИН И СКРЯБИН*)

Пушкин и Скрябин — два превращения одного солнца, два превращения одного сердца. Дважды смерть художника собирала русский народ и зажигала над ним солнце. Они явили пример соборной, русской кончины, умерли полной смертью, как живут полной жизнью; их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы.

Я хочу говорить о смерти Скрябина, как о высшем акте его творчества. Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее заключительное звено. С этой вполне христианской точки зрения смерть Скрябина удивительна. Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной. Если сорвать покров смерти с этой творческой жизни, она будет свободно вытекать из своей причины — смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет.

Пушкина хоронили ночью. Хоронили тайно. Мраморный Исаакий — великолепный саркофаг — так и не дождался солнечного тела поэта. Ночью положили солнце в гроб, и в январскую стужу проскрипели полозья саней, увозивших для отпевания прах поэта.

Я вспоминаю картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного солнца, образ последней греческой трагедии, созданной Еврипидом — видение несчастной Федры.

В роковые часы очищения и бури мы вознесли над собой Скрябина, чье солнце-сердце горит над нами, но — увы! — это не солнце искупления, а солнце вины. Утверждая Скрябина своим символом в час мировой войны Федра-Россия...*)

... Время может идти обратно: весь ход новейшей истории, которая со страшной силой повернула от христианства к буддизму и теософии, свидетельствует об этом...

Статья, любезно предоставленная нам Г. М. Струве, была найдена в бумагах Мандельштама неоконченной. По всей вероятности она была написана непосредственно после смерти Скрябина в 1916 или 1917 году.

*) Конца этой фразы нехватает в уцелевшем тексте.

Единства нет! «Миров много, все располагаются в сферах, бог царит над богом». Что это: бред или конец христианства?

Личности нет! «Я» — это преходящее состояние, у тебя много душ и много жизней! Что это: бред или конец христианства?

Времени нет! Христианское летоисчисление в опасности, хрупкий счет годов нашей эры потерян — время мчится обратно с шумом и свистом, как прегражденный поток — и новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену: искусства больше нет...

Скрябин — следующая после Пушкина ступень русского эллинизма, дальнейшее закономерное раскрытие эллинистической природы русского духа. Огромная ценность Скрябина для России и для христианства обусловлена тем, что он безумствующий эллин. Через него Эллада породнилась с русскими раскольниками, сожигавшими себя в гробах. Во всяком случае, к ним он гораздо ближе, чем к западным теософам. Его хилиазм — чисто русская жажда спасения; античного в нем — то безумие, с которым он выразил эту жажду.

... Христианское искусство всегда действие, основанное на великой идее искупления. Это — бесконечно разнообразное в своих проявлениях «подражание Христу», вечное возвращение к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре. Христианское искусство свободно. Это в полном смысле слова «искусство ради искусства». Никакая необходимость, даже самая высокая, не омрачает его светлой внутренней свободы, ибо прообраз его, то, чему оно подражает, есть само искупление мира Христом. Итак, не жертва, не искупление в искусстве, а свободное и радостное подражание Христу — вот краеугольный камень христианской эстетики. Искусство не может быть жертвой, ибо она уже совершилась, не может быть искуплением, ибо мир вместе с художником уже искуплен, — что же остается? Радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа! Божественная иллюзия искупления, заключающаяся в христианском искусстве, объясняется именно этой игрой с нами Божества, которое позволяет нам блуждать по тропинкам мистерии с тем, чтобы мы как бы от себя напали на искупление, пережив катарсис, искупление в искусстве. Христианские художники — как бы вольноотпущенники идеи искупления, а не рабы и не проповедники. Вся наша двухтысячелетняя культура, благодаря чудес-

ной милости христианства, есть отпущение мира на свободу для игры, для духовного веселья, для свободного «подражания Христу».

Христианство стало в совершенно свободное отношение к искусству, чего ни до него, ни после него не сумела сделать никакая человеческая религия.

Питая искусство, отдавая ему свою плоть, предлагая ему в качестве незыблемой метафизической основы реальнейший факт искупления, христианство ничего не требовало взамен. Поэтому христианской культуре не грозит опасность внутреннего оскудения. Она неиссякаема, бесконечна, так как, торжествуя над временем, снова и снова сгущает благодать в великолепные тучи и проливает их живительным дождем. Нельзя с достаточной силой указать на то обстоятельство, что своим характером вечной свежести и неувядаемости европейская культура обязана милости христианства в отношении к искусству.

Еще не исследована область христианской динамики — деятельность духа в искусстве, как свободное самоутверждение в основной стихии искупления — в частности музыка.

В древнем мире музыка считалась разрушительной стихией. Эллины боялись флейты и фригийского лада, считая его опасным и соблазнительным, и каждую новую струну кифары Терпандру приходилось отвоевывать с великим трудом. Недоверчивое отношение к музыке, как к подозрительной и темной стихии, было настолько сильно, что государство взяло музыку под свою опеку, объявив ее своей монополией, а музыкальный лад — средством и образцом для поддержания политического порядка, гражданской гармонии — эвномии. Но и в таком виде эллины не решались предоставить музыке самостоятельности: слово казалось им необходимым противоядием, верным стражем, постоянным спутником музыки. Собственно чистой музыки эллины не знали — она всецело принадлежит христианству. Горное озеро христианской музыки отстоялось только после глубокого переворота, превратившего Элладу в Европу.

Христианство музыки не боялось. С улыбкой говорит христианский мир Дионису: «Что ж, попробуй, вели разорвать меня своим менадам: я весь — цельность, весь — личность, весь — спянное единство!» До чего сильна в новой музыке эта уверенность в окончательном торжестве личности, цельной и невредимой: она — эта уверенность в личном спасении, — сказал бы я, входит в христианскую музыку обертоном, окрашивая звучность Бетховена в белый мрамор синайской славы.

Голос — это личность. Фортепьяно — это сирена. Разрыв Скрябина с голосом, его великое увлечение сиреной пианизма, знаменует утрату христианского ощущения личности, музыкального «я есмь». Бессловесный, странно немотствующий хор Прометея — все та же соблазнительная сирена.

Католическая радость Бетховена, синтез Девятой симфонии, сей «белой славы торжество», недоступна Скрябину. В этом смысле он оторвался от христианской музыки, пошел своим собственным путем...

Дух греческой трагедии проснулся в музыке. Музыка совершила круг и вернулась туда, откуда она вышла: снова Федра кличет кормилицу, снова Антигона требует погребения и возлияний для милого братнего тела.

Что-то случилось с музыкой, какой-то ветер сломал с налету мусийские камыши, сухие и звонкие. Мы требуем хора, нам наскучил ропот мыслящего тростника... Долго, долго мы играли с музыкой, не подозревая опасности, которая в ней таится, и пока — быть может, от скуки — мы придумывали миф, чтобы украсить свое существование, музыка бросила нам миф — не выдуманный, а рожденный, пенорожденный, багрянорожденный, царского происхождения, законный наследник мифов древности — миф о забытом христианстве.

... *виноградников старого Диониса: мне представляются закрытые глаза и легкая, торжественная маленькая голова, чуть запрокинутая кверху. Это муза припоминания — легкая Мнемозина, старшая в хороводе. С легкого, хрупкого лица спадает маска забвения, проясняются черты; торжествует память — пусть ценою смерти: умереть значит вспомнить, вспомнить значит умереть... Вспомнить во что бы то ни стало! Побороть забвение — хотя бы это стоило смерти: вот девиз Скрябина, вот героическое устремление его искусства! В этом смысле я сказал, что смерть Скрябина есть высший акт его творчества, что он проливает на него ослепительный и неожиданный свет.

... *окончена — война в полном разгаре. Всякий, кто чувствует себя эллином, и ныне должен быть на страже — как две ты-

*) Начало этой фразы отсутствует в уцелевшем тексте. — Ред.

сячи лет назад. Мир нельзя эллинизировать раз навсегда, как можно перекрасить дом. Христианский мир — организм, живое тело. Ткани нашего мира обновляются смертью. Приходится бороться с варварством новой жизни, потому что в ней, цветущей, не побеждена смерть! Покуда в мире существует смерть, эллинизм будет, потому что христианство эллинизирует смерть... Эллинизм, оплодотворенное смертью, и есть христианство. Семя смерти, упав на почву Эллады, чудесно расцвело: вся наша культура выросла из этого семени, мы ведем летоисчисление с того момента, как его приняла земля Эллады. Все римское бесплодно, потому что почва Рима камениста, потому что Рим это — Эллада, лишенная благодати.

Искусство Скрябина имеет прямое отношение к той исторической задаче христианства, которую я называю эллинизацией смерти, и через это получает глубокий смысл.

... *есть музыка — содержит в себе атомы нашего бытия. Насколько мелос в чистом виде соответствует единственному чувству личности, таким, как его знала Эллада, настолько гармония характерна для сложного послехристианского ощущения «я». Гармония была своего рода запретным плодом для мира, непричастного к грехопадению. Метафизическая сущность гармонии теснейшим образом связана с христианским пониманием времени. Гармония — это кристаллизовавшаяся вечность, она вся в поперечном разрезе времени, в том разрезе времени, который знает только христианство.

... *мистики энергично отвергают вечность во времени, принимая этот поперечный разрез, доступный только праведным, утверждая вечность как сердцевину времени: христианская вечность — это кантовская категория, рассеченная мечем серафима. Центр тяжести скрябинской музыки лежит в гармонии: гармоническая архитектура...**

*) Начало этой фразы отсутствует в уцелевшем тексте. — Ред.

***) На этом уцелевший фрагмент статьи обрывается. — Ред.

ГОЛОС ИЗ РОССИИ

Печатаемые ниже очерки, присланные нам из Советской России, принадлежат перу советского молодого, начинающего писателя. Свежесть и полноречивость языка, умение в частности охватить и закрепить общее, показывает несомненный талант. В очерке "Памяти моей бабушки" вся духовная история русского народа за последние десятилетия.

Ред.

ПАМЯТИ МОЕЙ БАБУШКИ...

Я уже давно простился с ней, задолго до ее смерти. Священник передал ее душу Господу, отпетую и омытую — на Суд. Ее душу примет Господь, без Суда примет. Суд над ней была ее жизнь. Не ее судили, судили тех, кто был рядом с ней — она шла за ними. Молча, покорно шла, чтоб облегчить их участь.

Ее путь начался далеко от Москвы, в безбрежных степях Кубани, где вознес Господь свои знамена — купола церквей, где схватывается простором дух, и сливаются голоса друг в друга — в единый вздох, единую грудь.

Что не мак цветет, не трава растет,
Не трава растет, не огонь горит,
Не огонь горит — ретиво сердце,
Ах, горит, горит, как смола кипит.

А дома уже сваты ждут. И все уговорено, на все 40 лет вперед...

И когда умирали дети, и сама она распухла и почернела от голода, как распухла и почернела земля, не паханная, не сеянная, лишь горький бурьян поднимался к самому небу, закрывая солнце.

Когда приходили солдаты, кто они были: красные, белые, черные — ей было все равно, все были «родные». Но, когда в амбарах мыши от голода дохли, они приходили снова и снова — хлеб искать.

Но вместо хлеба вывозили трупы.

Когда смерть жила бок о бок с людьми, и, как кошка, вдоволь наигравшись с мышью, душит и бросает ее, так бросала она людей.

Когда люди, живя со смертью бок о бок, не о хлебе просили, где у смерти хлеб?, не о жизни, где она, жизнь?, почерне-

ла земля! — о смерти просили, о смерти. В ком еще теплилась жизнь последним своим теплом, там где голос просил: «хлеба, хлеба», там, где слышен был голос: — хлеба, хлеба.

Все также реяли, слепя глаза, Господнии знамена — купола церквей.

Пламя над пепелищем.

Но не было духа у людей, оборвался дух, повис где-то там, над землей, сбросив тело на землю.

Звонили колокола, и каждый удар ложился в сердце — мертвом сердце. Звонили колокола заупокой земли, заглушая крик мертвого тела: — хлеба.

Уходили из станицы — семьями, умирали по дорогам — семьями, по старым дорогам, и выкладывая своими телами новые, туда, где жизнь.

Шла и она, прижала к груди меньшую. И дошла, только меньшую не донесла, отдала и свою дань дороге — из рук в руки.

До Москвы дошла, донесла в себе жизнь для детей своих.

Росли дети, родились внуки.

А каждое воскресенье, с заутрени до вечерни стояла она в церкви среди таких же старушек, как она, с такими же судьбами. И в запахе ладана, тихом пламени свечи, слезах молитвы — отдыхала душа. Сходил на нее тот покой, когда все становится ясно, яснеют глаза, где нет места страху, отчаянию.

У нее не было грехов — она не знала, что такое грех.

Я простился с ней, как прощается осужденный, к кому уже приставлены часовые, чтобы вести его по той дороге, по которой пройдет он за ними всю свою жизнь.

Как шла она вслед за людьми.

Даруй мне, Господи, ее покорность.

16.VIII.1963.



Двадцатый век, подобно XIX, начался войной, породившей новую революцию, нового Наполеона. Наполеон XIX века кончил жизнь в ссылке. Наполеон XX века, впервые со времен Египта, после смерти, удостоился бальзамирования.

Воин Наполеона XIX века, вернувшись домой без ноги, не раз проклял своего Наполеона, — куда он годен в жизни со своим увечием.

Воин Наполеона XX века, вернувшись домой без ноги, своим детям отрубил ногу, дабы этим продолжить традиции своего Наполеона.

*
**

Жизнь ее сложилась сикось-накось. Детей она нажила, когда еще могла обращать на себя внимание не только пьяных, но и трезвых мужиков.

Вальку от татарина из дома напротив. А Асю-дурочку от Васи-дурочка. Дурочкой ее зовут с тех пор, как зовут Асей. Если бы ее назвали просто Асей, она бы не отозвалась и потому ее зовут Асей-дурочкой. Их фамилия Слеповы. Их мать Слепова и потому они тоже Слеповы. Они из рода купцов Слеповых. С тех пор, как не стало царя, не стало и купцов. Но Слеповы остались Слеповы-ми и их дети тоже Слеповы.

*
**

Русский человек — Ванька-Встанька.
Его ставят на голову — он встает.
Он встает потому, что его ставят на голову.
Его ставят на голову потому, что он встает.

БЕССМЕРТИЕ...

Дома деревни стоят в одиночку. Сами по себе они выросли так — маленькой опушкой.

От дома к дому переходит старушка, похожая на обезьянку или пещерного человека, с такими же длинными руками, ниже колен, сутулыми плечами, сгорбленной спиной, одного цвета с землей, бревнами домов, покосившимися заборами.

Проходит по деревне стадо, коровы сами расходятся по домам, открывая калитки рогами. Прямо за деревней со всех сторон простирается поле, до самого горизонта. Поле пересекает овраг, по дну которого протекает маленькая речушка. Ни Волга, ни Днепр, ни Ока — речушка без имени и без славы, как миллионы таких же речушек, разбросанных по всей земле, как миллионы деревень, людей. Среди заросших ивой берегов течет она тихо, с трудом, будто хочет остановиться, не в силах нести свою тяжесть. Но течет от ивы к иве, как старуха несет свое тело от дома к дому.

Прот. Александр ШМЕАН

К 40-ЛЕТИЮ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

«Духа не угашайте».

(1 Фес. 5, 19).

В октябре истекшего года исполнилось сорок лет с зарождения в Пшерове, в Чехословакии, — Русского Студенческого Христианского Движения, которое когда-нибудь будет оценено как одно из самых значительных явлений в русской религиозной истории двадцатого века. В такой короткой юбилейной заметке я не собираюсь излагать ни истории Движения, ни его «идеологии». Для писания истории еще не наступило время, что же касается «идеологии», то самый этот термин мне кажется теперь, на исходе четырех десятков лет, чуждым подлинному духовному лику Движения. Об «идеологии» в Движении всегда много говорили и спорили, в нем всегда шла борьба идей, но в том-то и вся сила и жизнность Движения, что оно не поработило себя ни одной из них, осталось внутренне свободным от типичных для нашего времени, всепожирающих «идеологизма» и партийности. Нет, не в идеологии, а в чем-то гораздо более глубоком правда и значение Движения, и об этом я хочу кратко «засвидетельствовать» в эти юбилейные дни.

Правду эту выразить можно словами Апостола Павла: «духа не угашайте». Сорок лет, прожитые Движением, совпадают с самыми страшными годами в истории Церкви, России и всего мира. И страшное в них было не только открытое торжество зла, не только кровь и страдание миллионов людей, но и то, как это зло отравляло собой и тех, кто выдавал себя за борцов против него. Многим стало казаться, что преодолеть большевизм можно только внутренне «обольшевичившись», только ненавистью и угрозами, только пафосом отрицания и обличения. И вот в этой атмосфере апокалиптического испуга и всяческого «духогасительства», в этой внутренней измене тому, что составляло силу и величие русского Православия в канун революционного обрыва, Движение сумело сохранить радостную веру в то, что «свет Христов просвещает всех» и что свет этот «светит и тьме его не объять». Из этой веры оно и родилось. Кучка студентов-эмигрантов, создавших Движение и которые прошли через «испепеляющие годы» революции и граждан-

ской войны, пришли к Церкви не как к «утешению» или сладостному воспоминанию о прошлом, а как к источнику творческого и духовного преодоления ядов, отравлявших умы и сердца. Не испуг, не ненависть, не одно голое отрицание — а вера во всепобеждающую и целительную силу Христовой истины, той истины, познание которой, по словам Христа, делает нас свободными — вот что было от начала и осталось навсегда вдохновением Движения.

Повторяю, в Движении всегда было много споров, идейной борьбы. Спорили о «воцерковлении жизни»; о смысле истории, о христианстве и культуре, о государстве... Вспоминаю съезды в Бьевре под Парижем, в сороковые годы, и свои собственные, по молодости лет, страстно-заостренные выпады против о. Василия Зеньковского. Но вот приходил вечер, и мы все собирались в походную церковь на всю ночь и здесь, как и на следующее утро за литургией, был радостный опыт такого единства, такой принадлежности друг другу, спаянности одной верой, одной надеждой, одним устремлением, что пережившим это понятными становятся слова того же о. Василия: «... мы прикоснулись к тайне Церкви, мы вобрали в себя эту тайну, мы обещались, мы хотим нести миру эту тайну о Церкви, это благовестие о ее силе и полноте, о ее жизни и радости...»

Но были не только разговоры и не только опыт единства. На этих съездах, в этих спорах, в этом общении совершалось чудо: люди действительно отдавали себя служению и отдавали себя без остатка. И это чудо совершалось незаметно, без громких слов. Просто — ясным и простым становился путь, по которому нужно идти. Из Движения вышли епископы, священники, богословы и, что еще замечательнее, сотни мирян, для которых вера стала всеобъемлющим делом жизни. И если эмигрантский период в истории русской Церкви останется отмеченным, помимо всего прочего, замечательным творческим взлетом, если останутся от него книги, на которые уже сейчас, мы знаем это, жадно набрасывается молодежь «там», то в значительной мере это заслуга Движения. Действительно, «духа не угасали»...

Сейчас нас снова захватывает волна «духогасительства». Ушло поколение людей, передавших нам великие заветы прошлого, подлинные заветы русского Православия. Совсем недавно скончались А. В. Карташев и отец Движения — приснопамятный отец Василий Зеньковский. Но можно твердо надеяться, что Движение живо и будет жить. На смену ушедшим, приходят другие. Дух дышит, где хочет и угасить его нельзя.

И. В. МОРОЗОВ

ЗАДАЧИ ДВИЖЕНИЯ

40 лет тому назад, в Чехословакии в 1923 г., собрались на съезд представители русских кружков молодежи из Франции, Германии, Югославии, Чехословакии, Эстонии, Латвии и Болгарии, где и было положено начало организации Русского Студенческого Христианского Движения. В работе этого съезда приняли участие представители религиозного возрождения начала XX в.: о. С. Булгаков, Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, А. В. Карташев, Г. Трубецкой, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский, П. А. Остроухов, П. Б. Струве. Некоторые из них пришли к вере, в Церковь от марксизма. Это были люди, которые свой юношеский идеализм связали с верой во всепобеждающую науку. В студенческие годы ушли они от Христа, от Церкви, ибо считали, что «единственно возможная и существенная форма мировоззрения для умных людей — есть исповедание научного марксизма». Вера была дана без защиты. Хотели быть причастны к мировоззрению, которое исповедуют умные люди. Стали служить научному марксизму, но очень скоро начали они задыхаться и осознали, что так называемое «мировоззрение для умных людей» их совсем не удовлетворяет и что, при научном изучении, оно «трещит по всем швам». Совершилось, как пишет о. С. Булгаков, «возвращение к вере в личного Бога, во Христа не только в сердце, в жизни, но и в мысли».

В начале XX века появляется ряд книг, сборников, которые отражают этот сложный путь преодоления марксизма и возвращения в Церковь. Среди них надо указать в первую очередь книгу о. С. Булгакова — «От марксизма к идеализму». Когда появились в печати статьи Булгакова на эту тему, то немецкие его коллеги, ученые заявили: «Булгаков сошел с ума». Но теперь эти книги для советской власти страшнее атомных бомб, недаром они их либо уничтожили, либо так тщательно спрятали, что даже не дают их в руки научным работникам, занимающимся изучением общественного движения мысли начала XX в.

Происходят события 1917 г. Г. П. Федотов говорит, что после падения Римской Империи — русская катастрофа 1917 г. есть второе историческое событие, равное ему по своему объему и масштабу. Верующая церковная интеллигенция искала осмысле-

ния происшедшей катастрофы. Для многих стало ясным, что трагедия совершилась оттого, что в сознании большинства русской интеллигенции, а за ней и в душе русского народа, была утрачена живая вера во Христа. Русский народ находился, по выражению Булгакова, в «состоянии первоначальной невинности, святого варварства», поэтому и не способен был защитить свою веру от натиска неверия, а большинство интеллигенции оказалось в плену у своего материалистического мировоззрения. Трагедия 1917 г. выросла не на полях сражения, а зародилась в недрах человеческой души. «Бог с дьяволом борется, а поле битвы — человеческая душа». Поэтому-то представители нашего религиозного возрождения и объединились, чтобы положить начало борьбе за молодые души, чтобы не оставить их беззащитными, одинокими именно в студенческие годы, когда мятущаяся, ищущая молодая душа обо всем вопрошает, всего взывает, критически все исследует. Сами они именно в студенческие годы потеряли веру, так как не оказалось людей, которые помогли бы укрепить веру, открыть богатство Православной Церкви, явить экзистенциальный характер христианства, которые бы звали преодолевать «зрак раба православной действительности», ее «историческую бескрылость».

Небольшая группа профессоров, богословов, философов, общественных деятелей, на съезде в Пшерове в 1923 г. и объединилась, чтобы создать организацию христианской православной русской молодежи, дабы помочь ей выработать христианское мировоззрение и привлечь к активному участию в жизни Православной Церкви. Начали собирать молодежь, чтобы искать ответа на все вопросы жизни в Церкви, в соборном разуме, в многовековой опыте Церкви, в Евангелии. Стали собирать кружки, съезды, издавать журналы, книги. При чем работу свою Движение осуществляло так, что привлекало к участию в ней всех, кто осознавал необходимость и значение ее, будь-то священник, профессор, богослов, писатель, общественный деятель, простой мирянин. Привлекали тех людей, которые огнем своей веры, опытом своей жизни в Церкви, своей живой любовью ко Христу помогли бы и молодежи обрести любовь ко Христу, к Церкви, заглянуть в самого себя. Блаженный Августин еще указывал: «Вся беда в том, что сам человек не хочет заглянуть внутрь себя, если бы он заглянул в себя, то он нашел в глубине себя Бога, ибо Бог в человеке, но беда в том, что человека там нет».

Ведь современный человек, так называемый верующий, религиозен по воскресеньям, религиозен в исполнении своих обрядов,

а затем все забывается на шесть дней. Идеал святого в наше время вытеснен идеалом строителя, организатора, делового человека. Если в Советской России о реализации материализма мечтают только, то на Западе он тихой поступью все заполняет и вытесняет все духовные ценности. Образ Христа, образ святого — оказались вытесненными другими, материальными ценностями. Поэтому-то, по слову Б. П. Вышеславцева, жизнь наша стала безобразна, так как она утратила живую связь с первообразом, строится именно без-образа. Не случайно, что современное искусство уже потеряло всякую связь с образом. Христиане же должны помнить, что образ Христа должен быть центром нашей жизни.

Как же Движение осуществляло свою работу, чем же оно занимается? о. Сергей Булгаков, в своей статье «Церковное служение Движения» (1930), говорит, что Р.С.Х.Д. призвано заниматься: «вопросами религиозного сознания, религиозной философии, вопросами русской жизни, проповеди, миссионерства, вопросами экуменического характера — жизни вселенской Церкви, жизни инославных Церквей, вопросами религиозного воспитания, религиозной общественности, религиозного действия, движения молодежи и т. д. Характерно, что все это при внешнем разнообразии находится в глубочайшей внутренней связанности: — все это — искание церковного делания, проявление церковной воли — это сама церковная жизнь».

«Движение берет на себя задачу общественно-церковного воспитания. Можно это назвать различно — оцерковление жизни, церковная общественность, но основное здесь, желание преодолеть разделение между верой и жизнью. Драгоценное желание! Не есть ли это дерзость? Кто мы, чтобы нам начинать великое? Но искать великого еще не значит быть великими. Однако величие определяется и тем, чего мы ищем, чему мы служим. Апостолы, как свидетельствует Евангелие, в своей повседневной жизни иногда оказывались слабыми людьми. Но они истинно велики, потому что душа их узрела великое и отдала себя ему».

Вот и Р.С.Х.Д. своими слабыми силами стремится послужить этому великому делу «преодоления разделения между верой и жизнью». Н. В. Гоголь говорил: «нельзя писать о лучшем, не ставши самому лучшим», так и мы, христиане, не можем других звать к осуществлению христианства, если сами не будем жизнь нашу строить по-христиански.

Куда тянулись раньше живые души в христианстве, куда шли те, у кого просыпалась потребность жизнь свою всерьез переко-

вать по заветам Христа? В монастыри, туда, где люди всерьез претворяли веру свою в жизнь, где шла напряженная борьба с грехами, где осуществлялись слова ап. Павла: «уже живу не я, а живет во мне Христос», т. е. туда, где строили жизнь не так как повелевает дух времени, а так как преуказал Христос. Движение в своем отношении к христианству, к задачам Церкви и стремится, так же как и монашество, отнестись всерьез к претворению христианства в жизнь. Монашество только осуществляло в отрыве, в уходе от мира, тогда как Движение эту же задачу стремится осуществить в миру, обращаясь к миру.

На съездах, в кружках, в лагерях для детей и молодежи, на протяжении 40 лет Движение вело борьбу за христианизацию молодых душ, за пробуждение в них живой любви к Богу, к Церкви, за сохранение русского языка, благодаря знанию которого у каждого из них могла только открыться возможность приобщения к наследию русской культуры, к которой в настоящее время тянутся и у которой питаются миллионы западных людей. Русская культура сейчас завоевывает весь мир. Можем ли мы остаться равнодушными, чтобы русская же молодежь эмиграции не была бы приобщена к нашему культурному богатству, к той традиции великих русских людей, которая метко определена словами А. С. Пушкина:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

Движение зовет молодежь к изучению Священного Писания, богослужений, к усвоению истин веры Церкви, чтобы каждый из нас в Церкви черпал силы, разумение для решения всех вопросов как личной, так и общественной жизни. Движение стремится, чтобы православная молодежь искала единства в мысли, в общей работе со всеми ответственными работниками других национальных Поместных Православных Церквей. Эта обращенность к другим православным, это искание единства в мысли, в деле способствует созданию особого климата в взаимоотношениях, что помогает ощутить самое единство Православных как живую и осязаемую действительность.

Движение зовет к встречам, к собиранию молодых церковных сил, к воплощению в жизни всем нам дорогого начала соборности Церкви, которое предполагает, чтобы церковные люди встречались, делились бы своим опытом работы, помогали бы друг

другу в решении сложных проблем современной жизни, чтобы слова литургии «едиными усты и единым сердцем» определяли бы всю нашу церковную работу.

Правду Христову недостаточно знать, ее надо претворять в жизнь. Ведь не надо забывать, что Православная Церковь в Советской России лишена даже свободного слова, у нее отнята возможность даже водить детей в церковь, давать им религиозное обучение и воспитание. Церковь фактически лишена возможности учить своей вере и строить общественную жизнь на христианских началах. Все отнято, поистине там жизнь верующих напоминает жизнь немых. Есть личное христианство, каждый тайком, в глубине сердца осуществляет свое христианство, но это не может быть передано другим, даже самому близкому другу. Принимая все это во внимание, становится совершенно очевидно, насколько ответственным становится, на фоне вынужденной немoty верующих в Сов. России, наше пребывание на свободе и наша задача в свободном мире осуществлять нашу работу христианизации молодых душ.

Может-быть Движение недостаточно изучает все экономически-социальные процессы, происходящие в Сов. России, но оно на протяжении 40 лет внимательно изучало положение Церкви и верующих в Совет. России и на страницах своего журнала «Вестника Р.С.Х.Д.» всегда свидетельствовало о трагическом положении Церкви в тоталитарном коммунистическом государстве. Совсем недавно, членом редакционной коллегии Вестника Р.С.Х.Д., Н. А. Струве была выпущена в свет книга (по-французски) о положении христиан в Совет. России, в которой он разоблачает все ухищрения советской власти в ее борьбе с христианством. Раскрыть правду людям свободного мира о положении верующих в Сов. России есть наша моральная обязанность.

Не надо забывать, что мы призываемся не только свидетельствовать Западному миру о Православии, но наш долг свидетельствовать западным христианам о современном трагическом положении Русской Церкви, ибо члены Церкви в Сов. России вынуждены либо молчать об этом, либо даже отрицать наличие гонений. Время от времени доходят до нас просьбы верующих из Сов. России, в которых они обращаются к патриархам, к возглавляемым разным религиозным организациям, ко всем верующим свободного мира, прося помощи и заступничества. Совсем недавно пришла на Запад такая просьба от верующих Минской области. Не-

ужели мы останемся глухи к нашим страждущим братьям, которые претерпевают гонения за свою веру?

Всякая статья в западной прессе, а тем паче книга, является существенной помощью верующим в Сов. России.

Нередко работникам Движения кажется, что и сама работа Движения не встречает должного отклика и не приносит ожидаемых результатов. Молодежь все равно растворяется в окружающей среде, а те духовные ценности, которые они почерпнули в работе Движения, не нужны окружающим их людям.

К счастью, все чаще и чаще для нашей молодежи открывается возможность побывать в качестве туристов, переводчиков в Сов. России и там уже они воочию убеждаются, что вся работа Движения, все те религиозные вопросы, которые разбираются на съездах, в кружках Движения, живо интересуют молодежь в Сов. России, что Евангелие, если оно попадает в руки молодежи, то оно не только прочитывается, но и переписывается, что книги религиозного содержания, написанные русскими богословами, философами в эмиграции, с жадностью прочитываются, передаются дальше из рук в руки. Там поистине каждая такая книга (Бердяева, Булгакова, Франка, Зеньковского, Федотова, Лосского, Вышеславцева, Шестова, Карташева) является источником радости и духовного питания.

Прав Г. П. Федотов, который говорил, что то, что в эмиграции вынашивается в мансардных убогих комнатах, будет источником духовного питания русских людей свободной России.

«Неопытное слабое Движение, пишет о. С. Булгаков, несет в себе самое ценное — церковную общественность. Этого хочет и ждет Россия, Церковь в России. Она раздавлена. Цепи государственного насилия впились в ее тело, но изнутри эти цепи уже извергнуты. Церковь хочет быть свободной и в свободе достойно делать свое церковное дело. Помимо верных форм государственности, помимо канонической организации, для восстановления России, как воздух, необходима и церковная общественность».

Дело Движения в работе с молодежью: «Уточнить, углубить религиозное сознание, сообщить ему динамичность, оторвать от коснения в обрядоверии, придать мирообъемлющую широту и силу. Движение церковно обращено к будущему, к Царству Божию, в широком значении этого слова. Мы — сеятели семян будущего».

Достоевский, в своей речи, посвященной Пушкину, прославлял русский гений за его универсализм, за его всечеловечность, за его способность понимать и питаться от культурных ценностей других народов. Вот и русская молодежь, живущая вне пределов России, усваивая культурные богатства западных народов не должна предавать забвению свою русскую культуру, должна стремиться оказать посильную помощь верующим, претерпевающим страшные гонения, ибо только в этой мирообъемлющей широте мы останемся верными пушкинскому универсализму.

Прот. Василий ЗЕНЬКОВСКИЙ

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

В детстве я был религиозным ребенком, ходил вместе с отцом (который был тогда церковным старостой) в церковь. Все детство — до 14 лет — было освещено несколько матовым, но светлым сиянием Церкви. Дед мой был священником — и мне тогда казалось священство чем-то недостижимо высоким, чего удостоиваются немногие избранные. Из церковных переживаний лишь одно залегло в душе надолго — похороны дочери нашего священника. Все, что я видел и чувствовал, раздирало мое сердце, но я сознавал с какой-то мучительной ясностью, что похороны — это проводы в другой мир. Гроб своей бьющей по нервам «нарядностью», пение спокойное, почти торжественное, но и печальное, — все как будто говорило о том, что ныне, в час похорон, небо отнимает у людей это дитя — делает это спокойно, почти строго, но не сердясь, а даже соболезнуя. А все кругом плакали, особенно страшно рыдал отец, и сердце мое переполнялось болью, болью, которая с какой-то остротой врезалась в сердце. Тайна смерти на мгновение коснулась моего сердца, угасла, а вместе с тем внесла в душу сознание наличности иного мира — закрытого, не реального... О детских суевериях, которыми нас в обилии снабжала прислуга, вспоминать не стоит.

Мне было 14 лет и к этому времени я был уже очень развитым мальчиком. Кроме русской литературы я уже читал Шекспира, Шиллера, Диккенса. Когда мне впервые стали попадаться биографии замечательных людей (в серии, которую издавал Пав-

ленков, «Жизнь замечательных людей»), попала мне биография Белинского, написанная кем-то из его восторженных почитателей; я с удивлением и горестным недоумением узнал о том, что в последние годы жизни Белинский был неверующим человеком. Этого я никак не мог связать с тем образом идеалиста и горячего апологета человечности, каким рисовался мне Белинский. Как может умный, даровитый человек не верить в Бога, спрашивал я себя и не мог разрешить этого недоумения.

Когда мне исполнилось 17 лет, мне попались сочинения Писарева. Я прочел решительно все — для меня наступила пора страстного, нетерпеливого радикализма: Писарев разбил мои верования и вместе с тем надолго подчинил тому самоуверенному догматизму, который отличает все научно-популярные издания. У Писарева, как известно, был первоклассный популяризаторский талант — пишет он легко и увлекательно. Более всего меня поразило учение об эволюции мира, вся величаявая и удивительная картина, какую рисует наука. Писарев не просто излагает современное естественное научное мировоззрение — он вместе с тем резко и беспощадно бичует «современную схоластику». В реализме, в публицистических обличениях Писарева много правды, которая не могла не увлекать. Писарев втягивал меня в новый для меня мир, где высший авторитет и главная сила — наука, где доводом является позитивистическая формула Писарева: «Слова и иллюзии гибнут, а факты остаются». Во всяком случае, мое религиозное миропонимание как бы стусевалось, без боя сдало все свои позиции. Я безраздельно подчинился «истине» научной мысли, хотя было мне это больно и даже мучительно; но разве можно не признавать истины и жить неправдою? Религия не отвергалась прямо в том, что мне открывалось в мировоззрении Писарева, а она просто была признана умершей, ненужной «иллюзией». Я живо помню, что мне было горько и больно на душе, но что же было делать, раз мне открылось, что истина не на стороне религии?

Преподавателем Закона Божия был у нас в гимназии очень образованный и умный священник — о. Андрей Коровицкий. Меня чрезвычайно воодушевляли его уроки, особенно когда я проходил богослужение. Службы церковные я хорошо знал, так как был певчим, очень я любил все службы, особенно торжественные. Но, когда «писаревщина» отравила мою душу, то, хотя я, конечно, продолжал ходить в церковь (будучи в пансионе при гимназии я не мог уклониться от службы), уроки Закона Божия сразу потеряли для меня всякий интерес. Я не поверил никому, а тем более священнику, своих религиозных сомнений, выполнял все, что в

отношении Церкви требовалось, но с каждым месяцем я все более отдалялся от религиозного мировоззрения. Когда мне было 16 лет (я был в 6 классе гимназии), мы стали изучать физику, и в талантливом изложении нашего учителя физики (Г. Н. Влоринского) я находил все более вдохновения, чтобы радикально уходить в сторону атеизма. В этом же году я читал бойко написанную книгу Дренева «История умственного развития Европы», Бокля «История цивилизации» и проникался все более мыслью о «реакционной» и «ретроградной» природе всякой религии.. В этом же году я писал драматические этюды. Одна драма в 4-х актах имела героем профессора физиологии, который теряет веру благодаря несовместимости ее с наукой, но чрезвычайно страдает от этого, скорбя, что наука изгнала из его души религиозный мир..

Увлечение системой научного мирозерцания не помешало мне задумываться над вопросом, который меня начал тогда сильно занимать, а именно: как объяснить возникновение сознания? Еще не зная психологии, но понимая, что на основе материализма трудно раскрыть именно тайну сознания, я много размышлял на эту тему и написал целый этюд, цель которого состояла в том, чтобы «вывести» сознание из чисто физиологических процессов.

Мне было 17 лет, когда в руки мои попала замечательная книга Геффдинга «Очерки психологии». Этой книге, которую я не просто читал, но можно сказать изучал, я считаю себя в разных отношениях чрезвычайно обязанным. Прежде всего она пробудила у меня вкус к психологии, который, как я отметил, у меня уже проявлялся раньше, но был чрезвычайно неправильно ориентирован в тонах материализма. Серьезные и глубокие анализы Геффдинга, вся система психических функций, так тонко и по-настоящему анализированная, — все это дало мне неизъяснимое наслаждение. Навсегда полюбил я науку, и с л е д о в а н и е как таковое; полюбил точный, кропотливый, но доходящий до последних глубин анализ. Геффдинг вместе с тем радикально излечил меня от материализма и сделал возможным критицизм в отношении скороспелых естественно-научных построений; подготовил почву для философии. Когда же я прочел с чрезвычайным вниманием оба тома Ланге «История материализма», во мне началось духовное освобождение: я понял, что построение материалистического характера не могут быть удержаны, а с этим падали те самые идеи, которые вытесняли во мне религиозный мир. Там же я познакомился впервые с учением Канта, с указанием на то, что наука и религия, находясь в разных планах духовной жизни, никогда не могли противоречить одна другой. Я еще не окончил гимназию, когда во мне

это духовное освобождение стало приносить свои плоды. Детская вера не возвращалась, но уже не было того угнетенного состояния, которое было раньше. Душа моя всецело увлекалась науками и философскими интересами, но к религии была равнодушна, словно потеряла вкус к Церкви. К этому присоединились, кроме того, что было в сфере «ума», иные причины — первая «личная» драма, охладившая душу; но факт состоял в том, что религиозная сфера меня не интересовала, что вся страстная и напряженная работа души уходила в научно-философскую, отчасти морально-общественную область.

Когда я окончил гимназию и поступил в Университет (на «Естественное» отделение), в течение летних каникул я, по одному случайному поводу, начал писать небольшую работу о Гоголе. Я перечел все его сочинения, и в его знаменитой «Переписке с друзьями», его «Исповеди» и теоретических отрывках, а потом в изучении его переписки передо мною открылся впервые мир русских религиозных исканий. Небольшая работа о Гоголе, которая легла в основу моих будущих занятий им, приближала меня к религиозному миру; во мне еще ничто не дрожало, еще оставалась закрытой, замершей моя душа в этом отношении, но объективная ценность религии, уважение к ней все ярче рисовались передо мной.

В Университете я с головой ушел в научную жизнь, был всецело поглощен ею. Освобождение от «личной» драмы шло медленно, но душа моя больше и глубже отходила от всяких «чувств».

На Пасхе 1903 года — мне было уже 22 года, я был уже на 3-м курсе естественного факультета — брат мой Александр привел к нам в дом некоего Влад. Ник. Лашнюкова, сослуживца его по одному учреждению: Лашнюков заговорил со мной о значении и смысле Пасхи, — и на мое скептическое отношение к реальности Воскресения Христа — стал развивать апологетические идеи в защиту его реальности. Слушая его, я должен был добросовестно признать, что мое небрежное и равнодушное отношение к христианству было несоединимо с научной совестью, — я признал, что я должен, если хочу остаться при своем отрицании, тщательно изучить всю литературу о Христе, что религия не может быть просто «терпима», что она связана слишком глубоко с самыми важными сторонами духа, чтобы я мог оставаться при прежнем отношении. Я без колебания отдался изучению Христианства, на что у меня ушло около двух лет непрерывной и неустанной работы — я отдавал все свободное от студенческих занятий время изучению основы христианства, истории Церкви и т. д.

Новый мир открылся передо мной. Я не только принял в себя умом всю истинность и силу христианства, не только в чтении Св. Отцов проникся тайной церковного разума, но я без колебаний принял центральность религиозной сферы, центральность для мировоззрения, для души. В завершении всей этой работы я имел возможность прочесть все сочинения Влад. Соловьева, который имел на меня тоже громадное влияние — и по четкости разных богословских его формул, по его всепроникающему и универсальному историзму и, наконец, по его философской широте и основательности. Переход на сторону религиозного мировоззрения во мне совершился до конца, безраздельно.

Хочу отметить еще одно литературное мое переживание, имевшее тоже немалое влияние на эмоциональное восприятие христианства — я имею в виду книгу *Les Misérables* В. Гюго. Это было в 19... году. Я жил в качестве репетитора в семье И., недалеко от Днепра. Это была старинная прекрасная усадьба с прекрасной библиотекой; в усадьбе кроме моего ученика и его матери, высоко интеллигентной женщины, никого не было. Здесь я нашел *Les Misérables*, которых раньше никогда не читал; впечатление, произведенное на меня этой книгой, было поистине исключительное. И образ еп. Бьенвеню и самого Жана Вальжана, бесчисленные и часто очень глубокие и часто очень удачные по форме размышления на религиозные темы самого В. Гюго — все падало в душу и что-то зажигало в ней. Я был больше чем взволнован — я был потрясен и часто чувствовал, что глаза наполняются слезами. На всю жизнь осталась в душе моей благодарная память о В. Гюго, имя которого я люблю поминать среди тех умерших писателях, которым я чувствую себя обязанным.

На этом кончается первый период в истории восстановления у меня религиозной жизни. Перехожу ко **второму** периоду.

Я считаю вторым периодом в своей религиозной жизни то время, когда я стал уже литературно выражать свои религиозные убеждения. Надо однако заметить, что в то время, как **интеллектуальная преданность христианству** определилась у меня очень рано, отношение к **Церкви** еще долго оставалось достаточно вялым и неопределенным. И даже странно: я ходил в Церковь **как бы украдкой**, не желая обращать на себя внимание. Не думаю, что это зависело от какой-либо незаконченности или нерешительности в религиозных убеждениях. Не думаю этого потому, что, например, отчетливо помню, что до моего знакомства с С. Н. Булгаковым (см. ниже) я чувствовал к нему некоторое отталкивание, — за то, что он на одной лекции, на которой я был, как бы игриво

или легкомысленно отозвался о церковности... Может быть я был и неправ, но тогда мне почувствовалась эта черта и она меня оттолкнула от него. Не думаю, если бы у меня самого была какая-то нерешительность к Церкви, что я мог бы иметь такие чувства к Булгакову. Насколько я себя знаю, думаю, что мне не хотелось тогда другим открывать то, что пока творилось внутри, что я тщательно избегал того, чтобы быть вместе с теми, кто афишировал свое отношение к Церкви.

Лашнюков после упомянутой выше беседы стал часто приходить к нам в дом и беседовать на религиозные темы. Он, будучи сам журналистом (и поэтом), и звал меня в «литературную работу». Он предложил мне принять участие в еженедельной газете «Юго-Зап. Неделя» и вести там религиозно-философские фельетоны и давать библиографические заметки. Журналистик этот успехом не пользовался, его религиозное направление никого не увлекало. Сам Лашнюков был бесспорно талантливый человек, его статьи (и стихотворения) были часто очень хороши, но журналистик расхвалился плохо и через полгода кончился. Лашнюков и сам пристроился и меня позвал в Харьковскую газету «Юго-Зап. Край», где мне отводили под философский фельетон место раз в неделю. Я приобрел вкус к литературной работе и писал там больше полугодом; из статей мне запомнилась лишь статья о книге Шестова «Апофеоз беспочвенности». Статья моя называлась «На скользком пути», она очень понравилась моему учителю проф. Г. И. Челпанову и дала мне тогда же случай близко познакомиться с самим Шестовым.

Между тем у Лашнюкова зимой 1904-1905 года зародился новый план издания **христианской** газеты. Это уже было во время «весны», провозглашенной кн. Святополк-Мирским. Лашнюков сговорился с С. Н. Булгаковым (который до лета 1905 г. оставался в Киеве) и настоял на моем знакомстве с С. Н. — это было приблизительно в феврале 1905 года. К этому времени у меня уже сложились знакомства с профессорами Киевской Духовной Академии, особенно с П. П. Кудрявцевым и В. И. Экземплярским. Встречи с Булгаковым шли довольно интенсивно; было решено, что Булгаков привлечет Московскую группу (Флоренского, Эрн, Свенцицкого, Волжского); Волжский переехал на время в Киев и я узнал его тогда ближе. Газета, для которой мы придумали название «Народ» — должна была быть ежедневной. Издателем брался быть некий Винокуров (к литературе не имевший решительно никакого отношения — его увлек тот же Лашнюков, уговоривший его для начала вложить 10.000 рублей), официальным редакто-

ром значился Лашнюков. В газете этой каждый день появлялись и мои статьи (я помню только об одной под названием «Либерализм и социализм»), мы втроем (Булгаков, Лашнюков и я) были внутренне ответственной группой. Газета расходилась недурно, но средств, отпущенных на нее Винокуровым, явно не могло хватить, — и мы сознательно не берегли газету, имевшую яркий «христианско-социалистический» характер. Газета, действительно, на 8-м номере была закрыта, что выводило нас из необходимости самим, из-за отсутствия денег, прекратить издание. Булгаков был до крайности возмущен не Винокуровым, на которого и рассчитывать нельзя было, а Лашнюковым, который решительно утверждал, что за деньгами дело не станет. Выписка Волжского и Свенцицкого одна чего стоила... Вообще Лашнюков показал себя в этом деле достаточно легкомысленным.

Так или иначе, существование газеты оборвалось, с чем кончилось и мое литературное «исповедничество» и открылись новые пути. Я сблизился за это время не только с Булгаковым, но и с профессорами Киевской Духовной Академии (ее «левой» частью), и осенью 1905 г. мы решили открыть в Киеве Религиозно-Философское Общество. Булгаков еще летом переехал в Москву; с этого времени у меня началась с ним постоянная переписка, иногда чрезвычайно оживленная и объемистая. У меня хранилась очень большая пачка писем Булгакова ко мне — но все это погибло, когда в 1919 году мне пришлось спешно уезжать из Киева за границу.

Первым председателем Рел. Фил. Общества был В. И. Экземплярский, я был товарищем председателя, хотя был еще только студентом Университета. Но к этому времени у меня уже стало складываться научное имя (еще с 1902 года я стал печатать статьи по психологии и философии — в «Педаг. Мысли» — ее издавал прив. доц. И. И. Гливенко в Киеве, в «Вопросах Философии», куда мои статьи пристраивал Челпанов). У меня уже была переработана в большую книгу моя прежняя небольшая работа о Гоголе; я ее читал в ряде рефератов у проф. Н. П. Дашкевича, который мне ее очень хвалил и брался через Овсяннико-Куликовского пристраивать ее в «Вестнике Европы». Но Овсяннико-Куликовский, хотя и дал хороший отзыв о работе, требовал, чтобы я ее разбил на ряд отдельных этюдов, что тогда было для меня неинтересно, и я отказался от этого предложения. Доскажу, кстати, историю этой моей работы. В 1910 году Булгаков предложил мне переработать мою книгу для серии биографий, которые издавало упомянутое выше Московское издательство «Путь». Я охотно согласился и перера-

ботал, несколько сузив работу (она должна была быть посвященной только религиозному пути Гоголя). Но и тут меня ждала неудача: я мог вместить мою работу лишь в 2 тома. Булгаков и Бердяев оба решительно настаивали на том, чтобы я сократил книгу вдвое. Я никак не мог согласиться на это и разорвал соглашение с ними... Позже, когда в 1915 году Экземплярский (уже тогда уволенный из профессуры Киево-Духовной Академии, (см. об этом дальше) вместе со всеми нами (деятелями Рел. Фил. Общества в Киеве) стал издавать журнал «Христианская Мысль», то там были напечатаны три или четыре главы моей книги (около 10 печатных листов). Это единственное, что вообще увидело свет из всей работы моей о Гоголе.

Итак, в 1905 году мы открыли Рел. Фил. Общество имени **Влад. Соловьева** в Киеве. Я вместе с другими делал часто доклады; очень помню историю, связанную с одним моим докладом, который носил название «Об историческом христианстве». Он был по существу направлен против моих друзей по Дух. Академии: их критицизм в отношении к церковной традиции (все мои друзья принадлежали к церковным радикальным кругам) возмущал меня давно, — и я решил однажды выступить прямо и решительно против того, что я называл «церковным нигилизмом». В резком отвержении церковного радикализма тогда чрезвычайно со мной сходилась Булгаков. Доклад мой был принят не холодно, а болезненно — но надо сказать, что с того времени у моих друзей многое в их высказываниях стало носить другой характер.

В 1911 или в 1912 г. «Путь» решил издать сборник, посвященный религиозным взглядам Л. Н. Толстого (под названием «Религия Толстого») — я туда дал статью под названием «Империализм в религии Толстого». Дал туда статью и Экземплярский, который в статье сравнивал этический радикализм Толстого с воззрениями Иоанна Златоуста. После этого Св. Синод, давно негодовавший на Экземплярского за его решительную борьбу с защитниками смертной казни, нашел в этом сравнении достаточный предлог, чтобы уволить Экземплярского. Тогда же всем профессора Духовной Академии было запрещено принимать участие в Рел. Фил. Обществах. Экземплярский отказался от звания Председателя Рел. Фил. Общества (хотя он был уже уволен от профессуры), и мне пришлось быть его председателем (с 1911 г.). Я к этому времени уже окончил Университет и готовился к магистерскому экзамену.

Кроме публичных собраний Рел. Фил. Общества, в которых профессора Дух. Академий могли принимать участие лишь по осо-

бому приглашению (приглашение как лектора, а не как члена), у нас каждые 2-3 недели устраивались в частном доме (обыкновенно у А. Л. Иваницкой, позже монахине в Пюхтицком монастыре под Нарвой, ныне живущей в Америке). Эти собрания очень часто много давали мне, потому что в них говорили до конца, не стесняясь. Здесь окрепло мое отношение к церковным проблемам; я в очень многом принял формулы наших академических профессоров.

Теперь вкратце расскажу о том, что считаю дальнейшими фазами в моей религиозной жизни.

Другое, что должен помянуть, это все, что религиозно было связано для меня с падением монархии, большевизмом и затем участием моим в украинском правительстве. Об этом я достаточно рассказал в своих мемуарах (под названием «Пять месяцев у власти»), которые находятся в Архиве русском в Америке.

Отъезд из России, встреча с русской молодежью в Белграде, возникновение Русского Студ. Христ. Движения, мое участие и работа в нем.

Но тут мне хочется остановиться и поговорить о другом — о своих ошибках, не грехах, о чем здесь неуместно писать, а именно об ошибках. Сейчас, когда я это пишу, мне «стукнуло» 75 лет — как раз время оглянуться.

Ошибок, конечно, у меня было без конца, впрочем, если бы я начал заново жить, некоторые ошибки я все равно повторил бы — настолько они вытекали из самой души моей.

Первой крупной ошибкой моей жизни было то, что я потратил на Университет 9 лет. Я не мог не поступить на естественный факультет по окончании гимназии — я был тогда зачарован еще позитивизмом, успехами естествознания... Но уже в конце первого года, когда я стал посещать семинар Г. И. Челпанова, а особенно после 2-го года, когда мои философские интересы выступили на первый план — зачем я кончал естественный факультет? Думаю, что здесь проявлялась и широта моих научных интересов и неумение трезво учитывать условия моей жизни. Достаточно сказать, что уроки я давал все время от четырех до восьми часов в день в ранние годы (это было неизбежно по условиям моей семьи); при этих условиях ненужной и вредной роскошью надо признать пребывание в Университете 9 лет... И ненужно было так углубляться в знания, которые потом забылись (электрохимия, электрофизиология и т. д.), — сколько я читал, сколько я изучал тогда... На филологическом факультете — тут уже ничто не пропало, так как историей, литературой я занимаюсь донныне.

Тут была еще другая черта, которая есть, конечно, слабость во мне — я не строю сам свою жизнь — я строю планы, то, что дается легко я и делаю, но не более. Почему я не женился на Э., которая любила меня? Она с семьей уехала в Орел, а я так и не «догадался» поехать в Орел, зафиксировать с родителями наши отношения до времени, когда я окончу Университет. Э. ждала меня 5 лет! Но, когда из писем она узнала, что я перехожу на другой факультет, т. е., что надо ждать еще 4 года, ее уверенность в том, что мы повенчаемся растаяла, — она, не без влияния родителей, приняла предложение одного человека, полюбившего ее. Но вот что странно: не женился я по какому-то пассивному отношению к своей судьбе, а вышло (оглядываясь на все годы назад), что это не было глупой случайностью, но что это было связано с таинственным логосом моей жизни.

Неумение, а потому нежелание «строить свою жизнь» (что не означало во мне неумения принимать большие решения) так и до настоящего времени типично для меня. В общем, если мне все удавалось (во внешнем смысле слова) в жизни, то меньше всего это зависело от моей активности (я только не мешал своей «судьбе» рисовать рисунок моей жизни). Без всяких шагов с моей стороны я был оставлен А. Н. Гиляровичем для подготовки к профессорскому званию. Без малейших усилий с моей стороны я попал в 1913 и 1914 г. за границу (Германия, Италия, Австрия).

Независимо от меня я сразу по выдержании магистерского экзамена получил обязательный курс в Университете. Мне везло во внешних путях жизни, — я не противился своей судьбе, но и не делал ее сам.

Когда я вошел в состав преподавателей Института дошкольного воспитания, через 2 года меня неожиданно выбрали в Директора его. Я не противился; у меня тогда и никогда вообще не было ни честолюбия, ни тщеславия, но я не противился особенно ничему. Выбрали директором «хорошо, пусть будет так»... Но это накопляло мой общественный опыт. Когда Экземплярский отказался от председательствования в Рел. Фил. Обществе в Киеве — я не противился, когда меня избрали председателем.

Но вот, что уже было настоящей и ненужной ошибкой в моей жизни, очень много создавшей мне позже осложнений — это сопротивление деятелям Украинского Нар. Унив., когда меня упростили читать (по-русски: по-украински я никогда не умел говорить) лекции по истории философии.

Правда, у меня были некоторые «мотивы» для этой «ошибки»:

отец мой, принадлежащий к так называемым «украинофилам» (он входил в группу проф. Антоновича), заложил у меня любовь к украинской песне, отчасти к поэзии. В Дошкольном институте девицы украинки (шел 1916 г. и с украинцами правительство заигрывало) просили разрешить устроить детский сад «на мове». Я разрешил: мне либералу, каким я был тогда (да и теперь я все тот же) казалось, что свобода есть волшебный ключ, отворяющий самые замечательные проблемы...

Вот я и стал профессором Украинского Университета. А когда собрался первый всеукраинский съезд духовенства и мирян и меня устроители позвали туда — я пошел. Так как у меня уже было имя, то естественно, что меня выбрали в епископский Совет. А при созыве отдельного украинского Собора (с благословения Патриарха) меня выбрали в Товарищи Председателя. Я и здесь не отказался... Отказался только выставить свою кандидатуру в Украинские митрополиты (что было просто благоразумно). Но моя украинская «карьер» этим не окончилась; попал я, совсем уже против своей воли, в Министра исповеданий при Гетмане. Но друзья по Дух. Академии и Рел. Фил. Обществу настаивали — я не сумел противиться. Увы... Ни честолюбия, ни славолубия у меня не было, но я видел (насколько тогда вообще что-либо можно было видеть), что я нужен, действительно, что с моими данными я, может-быть, смогу что-нибудь сделать для церковного мира. Этот мотив победил мое сопротивление.

Я кое-что сделал — но за свое украинство я и пострадал — мне пришлось покинуть родину, свою маму, уехать за границу.... И снова — мое «непротивление» оказалось как бы провиденциально ценным, — вся моя работа (единственное, чем поистине могу похвалиться) с молодежью, т. е. создание Рус. Студ. Христ. Движения как бы показывает, что именно так и нужно было, чтобы я был выброшен за границу. Я не делаю никаких мистических обобщений из этого, странно все это. Оглядываясь на прожитую жизнь, я вижу в ней какую-то логику, рисунок которой был создан не мною, но выявлению которого содействовало мое пассивное отношение к судьбе.

Но вот в 1920 году я в Белграде. Меня считают другие русские профессора левым, а левые не дают никакого места в Университете. Я терплю, но все же, когда меня позвали в преподаватели русской литературы в Сараевский Кадетский Корпус, я воспротивился — уже очень было грустно расставаться с университетской карьерой. «Случай» меня вскоре выручил, я получил

сразу приглашение на два факультета в Белграде — на богословский и философский, сам не приложив к этому никаких усилий.

Когда образовался в Белграде первый православный кружок из студентов, они, зная меня уже по лекциям, пригласили быть членом его. Я пошел — и опять без всякого желания предпринимать что-либо со студентами. А все же получилось огромное дело из этого моего сближения со студентами.

В 1923 году мой брат, живший тогда в Праге, добился моего приглашения во вновь организованный Русский Педагогический Институт (он встретил сопротивление со стороны его директора С. А. Острогорского). Я переехал в Прагу не по своей инициативе... Мне было грустно, тяжело покидать Белград, моих юных друзей, если бы они сказали мне тогда решительно, чтобы я оставался, я бы остался. Но они не настаивали и я сам... отдался снова течению событий, не мною создаваемых. И снова оказалось — из этого случайного факта, из этого моего непротивления вышла (снова не по моей воле) новая работа. Русское Студ. Христ. Движение именно в Праге чрезвычайно выросло, организовалось, и не будь я там, это утверждаю, не было бы того, что было (ибо главные тогда, помимо меня «деятели» Никитин и Липеровский, хотя были сами людьми православными, но держались направления «интерконфессионального», — с которым православным людям не по пути). Среди вещей, которые я могу считать своей заслугой — это утверждение православного типа работы в нашем движении.

Я не считаю поэтому «ошибкой» то, что я покинул Белград, — а если вспомнить, что через несколько лет вспыхнула распря между так наз. Карловацкими архиереями и митр. Евлогием (на стороне которого были все мои симпатии), то ясно, каким счастьем обернулось для меня то, что события, помимо меня сложившиеся, увели меня из Белграда в Прагу.

БИБЛИОГРАФИЯ

« Notre Père » Louis Evelyn (10 édition). Collection « Approches ». — Editions Fleurus.

Почти ровно год тому назад автор настоящей рецензии отметил в I-II номере Вестника Р.С.Х.Д. удивительную книгу Evelyn «Rencontre avec le Christ» или «C'est toi cet Homme».

Теперь нельзя не отметить еще другой его книги, хронологически первой, но не менее, а, пожалуй, более прекрасной, чем отмеченная год назад. Нельзя не выразить пожелания, чтобы и эта книга была переведена на русский язык.

В духовной литературе имеются книги, ведущие к покаянию, а через него к Богу, путем перечисления и вскрытия греховных побуждений и указания, как бороться с ними. Это книги аскетические. Они, конечно, необходимы.

Книга же Evelyn созерцательная. Она достигает той же цели покаяния, а через него — приближения к Богу путем постепенного раскрытия для наших духовных очей величия и силы, готовой все простить, все объять божественной Отчей любви.

Эту книгу можно почитать как-бы некоторым развитием Притчи о блудном сыне, благодаря которой огонь Отчей любви прямо, почти непосредственно, проникает в наши оледенелые сердца, чтобы расплавить их — книга исполнена также духа I-го послания апостола Иоанна.

Указывая на эту книгу, призывая ее не просто прочесть, а читать и перечитывать, нельзя не привести, хотя бы некоторые из ее речений:

“Молиться — это значит отдать себя Богу, чтобы Он, наконец, сделал из нас то, что всегда хотел сделать. Молиться — это стать приемным сыном Божиим, послушным, внимательным. Мы хотим быть между собой братьями? Станем сперва сынами. Чтобы стать братским, надо стать сперва сыновним.

(Но) невозможно сказать “Отче наш” вне братства, вне единства с другими. Бог научил нас тому, что сыновняя молитва — всегда братская. Чтобы стать сыном — надо быть братом.

Нарушающий общение — нарушает сыновство и перестает быть по хожим на Бога. В Боге Трое любящих друг друга: Бог единство Лиц — и люди созданы по образу Божию. Нельзя быть Отцом будучи одним. В Боге не одно Лицо. Переставая быть братьями, разделяясь, мы теряем образ Божий в себе. Говоря “Отче наш” человечество находит свою сущность, становясь подобным Тому, Кто создал его по Своему Образу.

Мы становимся самими собой только тогда, когда мы с другими... на известной, конечно, глубине общения..., когда делимся с другими, обмениваемся.

Нельзя познать Бога, не любя, нельзя познать Бога, не становясь Богом. Мы познаем Бога только принимая Его, давая Ему место в себе.

Драма нашего века в том, что мы ищем братства без Отца. Но еще хуже желать Отца вне братства.

Нет ничего печальнее, когда люди в храме стоят отъединенными. Иногда в вагоне железной дороги больше подлинного общения.

Любить даром, не ожидая ответа и даже обретая неблагодарность

или безразличие или... это значит разделить Божию участь. Именно так Бог нас любит.

Мы едва ли можем приблизиться к Богу ближе, чем мы приближаемся к нашим братьям.

Наши отношения к ближним это — откровение о том: каковы наши отношения с Богом.

Люди постоянно склонны представлять Бога по собственному подобию, представлять Его далеким, недовольным, безразличным, мстительным, так как мы мало Его любим, то мы думаем, что Он мало любит нас.

... Но Откровение нас учит, что Бог совсем не то, что мы... что Он Отец, что Он — Любовь и тогда, когда мы Его не любим. Он первый любит нас.

От Бога можно отречься, забыть Его, но Бог не может отречься от нас и нас забыть.

В катехизисах говорится, что Бог создал мир для Своей Славы. Но в чем Его Слава? Его Слава — быть всегда Богом, быть Любовью.

Только Бог, весь до конца Отец. Он всецело отдается Своему Сыну... и потому Его Сын во всем похож на Него. "Все Твое Мое и все Мое Твое" — говорит Иисус Христос.

Бог все свое счастье ставит в зависимость от Другого, в Котором все Его благоволение.

Бог Отец даже познает Себя и любит Себя в Другом... Во время Новозаветных богоявлений, Бог не говорит ничего про Себя, Он указывает на Сына и говорит: "вот Сын Мой возлюбленный. Его слушайте. В Нем все Мое благоволение (иначе: "это в Нем Я Сам, более Сам, чем в Себе Самом")."

Иногда тем, кто спрашивает мать, "как она поживает?" Она отвечает: "Ваня хорошо, Петя то-то и то-то, Степан так-то..." Это потому, что в ее детях — все ее благоволение.

И тем не менее Бог отдал Своего Сына нам... и за нас.

Для многих Бог только исполнитель их собственных желаний и нужден — поскольку Он их исполняет.

Бог не обещал нам, что мы не будем больше грешить, но что Он может всегда прощать.

Самое важное — это даже не перестать совсем грешить, а любить, научиться любить.

Наибольший грех, наибольшая гордость это — не то, чтобы быть хорошего мнения о себе, а не желать зависеть от другого, в конце концов, предпочесть быть даже несчастным, но одним и самостоятельным.

Молитва — это отказ от себя, это — сказать Богу: "делай со мной, что хочешь".

Настоящая христианская молитва вдохновлена свыше.

Бог умеет только любить, и давать... У Него нет ничего другого и Ему нечего дать другого... Если мы Его наследники, нам останется только продолжать то, что делает Он — давать и отдавать себя.

Это, конечно, истощает, опустошает... И когда мы по настоящему говорим "Отче наш" — естественно быть опустошенным, опустошенным от самого себя.

Бог нас любит; это значит, что Он дает нам власть над Собой. Дети это знают в отношении к нам и пользуются этим.

Так неужели Бог может быть зависимым от кого-либо и стать уязвимым? Но разве мы не зависим от наших детей? Разве наше счастье не зависит от их радости?

Мы, конечно, зависим от тех, кто зависит от нас.

Бесстрастный — Отец? Лучше не называть такого Отца — отцом! Бесчувственная Любовь? Стоит ли говорить о такой любви?

Стать отцом — это значит стать уязвимым. Любить какое-либо существо — это значит вручить ему власть над собою.

И Бог, любя нас — дает нам власть над Собой.

Неужели же Бог нуждается в людях? Это, конечно, не совсем так, но Бог захотел нуждаться в нас.

А люди подсознательно мечтают о времени, когда они не будут иметь нужду ни в ком, как подростки, что хотят показаться взрослыми...

Трудно оторваться от книги Evelyn, можно было бы переписывать слова его еще и еще, но прерывая это дело не без горечи, нельзя не утешиться тем, что эта книга нашла уже живой отклик у нашей молодежи. В то время, когда писалась настоящая рецензия, неожиданно довелось прочесть в последнем номере «Jeunesse Orthodoxe» прекрасную, трепетно-живую рецензию на ту же книгу одного молодого русского студента.

Это было настоящей нечаянной радостью.

Протоиерей А. Семенов-Тянь-Шанский

ХРОНИКА

О РАБОТЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕНТРОВ В АМЕРИКЕ

Совет Движения командировал меня посетить ряд городов в Америке, чтобы установить более тесную связь с группами Движения в Соединенных Штатах.

В течение своего 50-дневного пребывания в Америке я посетил: Нью-Йорк, Вашингтон, Денвер, Сан-Франциско, Лос-Анжелос и в Канаде — Монреаль.

В Нью-Йорке, благодаря предварительной работе о. А. Киселева, состоялось пять встреч с разными группами молодежи (в каждой группе было около 20 человек), на которых обсуждались вопросы развития и расширения религиозной работы с молодежью в Америке. 24 января с. г. в Пушкинском зале в Нью-Йорке было организовано собрание, посвященное сороколетию Р.С.Х.Д. На собрании было около 200 человек. С докладами выступили: председатель Движения еп. Сильвестр, вице-председатель Р.С.Х.Д. в Америке прот. А. Шмеман и секретарь Р.С.Х.Д. во Франции, причем в докладах чувствовалась не только любовь и благодарность Движению за все то, что оно дало каждому из них, но, главным образом, вера в то, что Движение есть живая сила в Церкви, обращенная не столько к своему прошлому, сколько к будущему, к решению церковных задач,

которые встают перед каждым сознательным членом Православной Церкви.

Священники — о. Георгий Бенигсен в Денвере, о. Штурмер и о. Алексей Павлович в Сан-Франциско, о. Димитрий Гизетти и о. Сергей Глаголев в Лос-Анжелосе — ведут большую разностороннюю церковную работу. Строятся новые храмы, создаются новые приходы, живыми участниками коих являются люди среднего поколения (от 30 до 50 лет, которых обычно редко встречаешь участниками приходских общин), воздвигаются большие здания для приходских школ, создаются библиотеки, концертные залы, ведутся регулярные занятия в воскресных школах с детьми, с юношеством, устраиваются встречи с молодежью, публичные лекции для прихожан, летом лагеря для детей и молодежи, издаются приходские журналы, — вообще, везде и всюду чувствуется напряженная работа, которая увенчивается успехом.

В Вашингтоне недавно выстроен прекрасный храм, который напоминает суздальско-владимирскую традицию храмостроительства. Явно, что этот храм можно причислить к числу лучших православных храмов в Америке.

Еп. Сильвестр, несмотря на краткость своего пребывания в своей обширной канадской епархии (всего 8 месяцев), уже объехал почти все свои приходы. Встречали Владыку везде с любовью. В Монреале имеется приходская школа, летом организуется лагерь для молодежи. Группа молодежи в возрасте от 15 до 23 лет принимает активное участие в церковной работе, в церковном хоре, в устройстве праздников и вечеров. Надо особенно отметить исключительное усердие церковных регентов (Е. И. Бенигсен в Денвере, А. Каминский в Монреале, семейство Летковских в Нью-Йорке, два молодых регента Богословской Академии в Нью-Йорке), которые своим усердием проводят поистине большую миссионерскую работу, ибо они своей любовью к службам пробуждают любовь к ним и у церковного народа.

Когда я вошел в Академическую церковь в канун Рождества и услышал песнопение “С нами Бог, разумеите языци и покоряйтесь” в прекрасном исполнении хора студентов богословов, то сразу почувствовалось, что своей любовью и радостью, которой было проникнуто их пение, они обязаны как своим церковным регентам, так и своим профессорам-наставникам, пробудившим и раскрывшим у них глубокий интерес к церковным службам.

Свято-Владимирская Академия в Нью-Йорке помещается в пригороде Нью-Йорка, в прекрасном районе, имеет сравнительно большой участок земли, на котором расположены: большой дом, где помещается студенческое общежитие, столовая, кухня и аудитории, библиотека и рядом небольшая, но прекрасная Церковь, а также четыре небольших дома для профессоров. Все это утопает в зелени. В этом году Академия приступила к постройке большого дома для аудиторий и для библиотеки. Необходимо собрать в ближайшие месяцы значительные суммы для осуществления этой постройки. Совет профессоров Академии уже развернул широкую финансовую кампанию по собиранию необходимых средств по всей православной Америке, но помимо этого декан Академии прот. Александр Шмеман неустанно ездит по всем православным приходам, читает доклады и производит сбор средств для постройки дома. Отраднo было видеть декана Академии среди масс церковного народа, разъясняющего значение

богословского просвещения и зовущего жертвовать на богословскую школу, на дело богословской науки, на то дело, от которого фактически зависят судьбы всей жизни и работы Церкви.

Пора православным осознать, что надо жертвовать не только на построение храмов, не только платить самообложение в своем приходе, но и поддерживать те церковные начинания, которые готовят пастырей, ученых богословов, ведут борьбу за христианизацию молодых душ.

Отраднo, что во главе Богословской школы в Нью-Йорке оказались живые, молодые, талантливые профессора (прот. А. Шмеман, С. С. Верховской, о. И. Мейендорф), которые своей самоотверженной работой достигли блестящих результатов и которые являются активными участниками церковных органов, направляющих жизнь и деятельность Митрополии. Это воочию показывает, что профессора Академии пользуются и любовью и уважением, ибо с ними тесно сотрудничают и священники, и епископы Митрополии.

Ценно, что живым, талантливым, энергичным, молодым работникам поручается ответственная работа в Церкви, и это является несомненным залогом расцвета церковной жизни в Америке.

И. Морозов

СОБРАНИЯ О СОБОРНОСТИ ЦЕРКВИ

С ноября месяца 1963 года на 91, рю Оливье де Серр, организованы открытые собрания-беседы для членов Движения и прихожан движениского храма. Эти Собрания происходят два раза в месяц, по пятницам (в 20 часов).

Толчком к устройству этих собраний была проповедь о. Георгия Серикова, сказанная в храме Движения (3 ноября 1963 г.) “О Соборности”, в которой он говорил об ответственности “мирян” в жизни Церкви, ответственности, основанной на “Печати Святого Духа”, которую они получили в Таинстве миропомазания и которая делает их членами “царственного священства — избранного, святого народа”, т. е. Церкви.

Мирянин должен участвовать в жизни “Соборной” Церкви. Это его участие сказывается в его единомыслии, в сотрудничестве, в общности друг с другом, в литургической (т. е. совместной) молитве.

На первом собрании (17 ноября 1963 г.) была беседа о Соборности. Вступительное слово, сказанное на эту тему о. Георгием, напечатано в настоящем номере “Вестника”.

На этом собрании говорилось о том, в чем может выразиться “соборность” христиан, и были предложены следующие темы на обсуждение: О Соборе 1917 года, о подготовке Епархиального Съезда нашего экзархата, о подготовке ко Вселенскому Собору, о новых идеях, появившихся в мире, со времени последнего (VII-го) Вселенского Собора, о новых социальных проблемах, о литургических вопросах (календарь, общее пение в церкви, славянский язык), о семье и монашестве, о православной культуре.

Единогласно было решено начать беседы с вопросов литургических, — чему и были посвящены собрания в январе, феврале и марте месяце.

СЪЕЗД ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ ВО ФРАНЦИИ

(Монжерон 19-4-1964)

Каждому православному очевидно, что несмотря на наше догматическое и литургическое единство, нет единства жизненного, т. е. единства в любви. Наши русские юрисдикционные разделения, не говоря уже о рознях и расприх национальных церквей, есть грех против Церкви, против ее единства. Мы к этому привыкли и что хуже всего, часто считаем это нормальным. Замкнувшись в среде своего прихода не видим того, что православная церковь сейчас распинается не только ее врагами в России и в других православных странах, но и самими нами. Можно было бы привести много примеров того, как мы своей косностью, привязанностью к букве, а не к духу церкви, своим равнодушием к судьбе православной церкви на Западе разрушаем данное Христом Единство. Вопросы календаря, языка в богослужении, все это обсуждалось не раз, но наши церковные власти остаются глухи к этому, замыкаясь в "спасительном благочестии". Единство православных на Западе также мало интересует наши церковные власти. 19-го марта, в детском доме в Монжероне, собралось 120 православных молодых людей и девушек, принадлежащих к разным юрисдикциям и к разным национальным православным церквям. Созданы они были "инициативным комитетом", в который вошли представители от различных движений православной молодежи. Комитет этот был сформирован с целью координировать всю ту работу, которая ведется на французском языке. Думаю, нет надобности доказывать, что идея создания французской православной церкви и работа для этой цели не мешает нам русским считать себя продолжателями того лучшего, что было создано в России, и воспитывать наших детей в этой традиции.

Одним из первых решений инициативного комитета был созыв съезда для всей православной молодежи Парижа с тем, чтобы дать этой молодежи встретиться и затем совместно обсудить вопросы, связанные с продолжением работы по собиранию православной молодежи Франции. Съезд начался с Литургии; служило 7 священников, принадлежащих к разным юрисдикциям: русские, два француза, араб. На первом собрании для всех присутствующих стало очевидно, что путь к единству труден и что раньше, чем осуществить единство, надо научиться сотрудничать. Формы, которые может принять это сотрудничество, очень разнообразны: съезды, издание общего журнала, встречи, паломничества и т. д.

Надо прямо сказать, молодежи непонятны наши разделения, они ее облазняют и часто уводят от церкви. С нашей стороны было бы неправильно игнорировать или преуменьшать наши разделения, но мы должны говорить о том, что наши юрисдикционные и национальные разделения не должны быть преградой к нашему общению. На съезде у молодежи чувствовалось желание упростить ряд вопросов, всем хотелось поскорее достичь единства не только в мысли и не только в Литургии, но и в жизни через создание единого движения православной молодежи. Идея единой православной церкви на территории Западной Европы нам кажется сложной задачей, но для молодежи это лишь вопрос срока, а не непреодолимых препятствий. Ценно было на съезде то, что собралась в большинстве случаев подлинно церковная молодежь, может быть наивная в своем оптимизме, но полная желания служить Церкви.

Основной доклад был поручен православному французу, профессору истории, Оливье Клеман. Успех съезда дает нам надежду на то, что работа, начатая 19-го апреля, будет продолжаться и приведет к реальному, соборному единству православных.

К. Ельчанинов.

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения

XXIX-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

- Во Франции:** Подписную плату просим вносить на почтовый счет П.С.Х.Д.: С.С.Р. Paris 2441-04, Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. Подписная плата на год: 10 Ф., с целью поддержки — 15 Ф.
- в Америке:** Mrs Olga Polivanov. 853, Riverside Dr. Apt. 4 g. New-York 32, N. Y. (U.S.A.).
- San Francisco** Miss. Olga Raevsky. 1418-24th Ave. San Francisco 22, Calif. U.S.A.
Подписная плата на год: 3 долл., с целью поддержки — 5 долларов.

- в Англии:** Подпи...
- в Германии:** Р... i Ulm. Alten-
- в Швеции:** ... б.

Tous droits d

4001386

Struve.



С ПРАВОСЛАВНЫМ

10

Це

М. С.